

Том 1

21 февраля — 1 марта 1978 г. Пуна, Индия

1976

Я еду на велосипеде вдоль Морской дамбы в Нокклезауте, прибрежном курорте в Бельгии. Город остаётся позади, и я двигаюсь дальше, наслаждаясь резким запахом воздуха, солнцем на моей спине, мускульным усилием. Всё хорошо. Я вижу, что в ста ярдах впереди дорога кончается в песчаных дюнах, простирающихся на много миль в сторону датской границы. Я нажимаю на педали. Велосипед набирает скорость. Я — Эдди Мерке, выигрывающий Тур де Франс седьмой раз. Вж-ж-ж-ж..! Я достигаю песка и...

...Я лечу по воздуху через руль велосипеда. К счастью, песок мягок и я не забываю сделать кувырок при падении. Скатываюсь с дюны на берег.

Хмм! Забираюсь наверх, хватаю велосипед, перекидываю через него ногу и начинаю яростно крутить педали. Продвинувшись около восемнадцати дюймов вперёд, колёса медленно тонут в песке, и опять велосипед отказывается двигаться. Со злости я издаю вопль и бью ногами песок. Ветер задувает несколько песчинок мне в рот. Тогда я начинаю бить кулаками по песку, но чем дальше я бью по нему, тем плотнее он становится.

Я не могу пересечь песчаные дюны на моём велосипеде — это жизненный факт.

[Читать полный вариант книги](#)

1978

И вот я в ашраме Шри Раджниша — уже два года я являюсь его учеником. Хотя ашрам — цветущий оазис, я продолжаю падать с моего велосипеда. Это прекрасный велосипед британского производства, которому 31 год и который я очень люблю и называю Эго. Оно со мной повсюду. Песок в ашраме очень тонкий, почти невидимый, и здесь моему Эго особенно трудно передвигаться, в каком бы порядке его ни содержать. В моём возрасте оно является тяжёлым и неуклюжим — обременительная ноша. Я продолжаю спотыкаться об него и сшибать других людей, всё ещё надеясь найти другую, более гладкую дорогу. (В Индии? Я, должно быть, безумен).

Но других дорог не существует, нет других велосипедных дорожек; они все ведут в пустыню. Послушайте слова Бхагавана:

«Этот мир — пустыня. Оазис существует только в нашем сознании. Сотворите этот оазис сознания. И всё, что потребуется для этого, — делайте. Какую бы цену ни пришлось платить за это — платите; как бы ни приходилось рисковать — рискуйте, потому что всё остальное будет отнято от вас всё равно».

Когда вы достигаете пустыни, путь перед вами не обозначен. Легко заблудиться среди барханных песков, миражей и фальшивых горизонтов. Когда собираетесь пересечь пустыню, вы нуждаетесь в проводнике, а не в специалисте по велосипедам.

Здесь есть человек, Бхагаван Шри Раджниш, который пересёк пески и теперь помогает другим пересечь их. Он — Марко Поло души. И хотя у каждого свой путь, он знает, куда он ведёт, потому что он уже там. У себя дома.

Ловкие велосипедисты не могут далеко продвинуться здесь. Надо быть просто пешеходом, желающим ставить одну ногу перед другой и следовать за проводником, куда бы он ни повел. Расслабившись и доверяя, идти легче и веселее. Вот небольшой прыжок. Затем ещё, ещё один. И вскоре вы поднимаетесь выше и выше — летающий пешеход! В своём научно-фантастическом романе «Дюна», Франк Герберт представляет мир-пустыню, Дюну, где целая культура

приспособлена к тому, чтобы жить, или скорее выживать, в пустыне, максимально экономя воду. Жизнь этих людей — это непрекращающаяся война. Они воины, сражающиеся с песками; жёсткие, жестокие люди, зависящие от наркотика «специя», облегчающего их судьбы. Будто бы в насмешку они называют себя «фрименами» — свободными людьми.

Бхагаван всё время *показывает*, что нет нужды бороться с песками, да и невозможно выиграть эту битву. Прочтите первую главу этой книги внимательно: мы можем освободиться тем же способом, каким это делает поток, находящий свою свободу: давая себе возможность испариться, оставляя все идеи о себе. Эти идеи, эти представления о своей индивидуальности и есть наша пустыня.

Бхагаван, подобно ветру, шепчет потоку: «Да, ты можешь пересечь пустыню. Испарись, будь унесён любящими руками существования. Прими опасность... её стоит принять». Тот же самый аромат!

Всё, что нам нужно, чтобы достичь моря — это способность слышать, понимать и доверять этому шепоту, этой мудрости песков.

Свами Прем Прамод

1. Сказка песков

21 февраля 1978 г., Пуна, Индия

Поток, родившийся далеко в горах, пройдя через разные земли, достиг, наконец, песков пустыни. Точно так же, как он пересёк другие препятствия, поток попытался пересечь и это, но обнаружил, что бежит в песок, что его воды исчезают.

Он был убеждён, однако, что его назначение пересечь пустыню, но не было пути. В этот момент тайный голос исходящий из самой пустыни, прошептал: «Ветер пересекает пустыню, это же может и поток».

Поток возразил, что он бросался на песок, но только поглощался им; что ветер мог летать, и, поэтому, он мог пересечь пустыню.

«Двигаясь своим обычным способом, ты не можешь пересечь пустыню. Ты либо исчезнешь, либо станешь болотом. Ты должен позволить ветру пронести тебя к месту твоего назначения».

«Но как это может случиться?»

«Позволь ветру поглотить тебя».

Эта идея была неприемлема для потока, ведь раньше его никто никогда не поглощал. Он не хотел терять своей индивидуальности. Однажды потеряв её, как он мог знать, что обретёт её снова?

«Ветер, — сказал песок, — совершает эту миссию. Он поднимает воду, несёт её через пески, и затем позволяет ей упасть опять. Падая как дождь, вода вновь становится потоком».

«Откуда я могу знать, что это правда?»

«Это так, и если ты не поверишь этому, то ты сможешь стать лишь трясиной, да и то это займёт много-много лет; и это определённо не то же самое, что быть потоком».

«Но может ли быть так, что я не останусь тем же потоком, что есть теперь?»

«В любом случае ты не можешь оставаться тем же, — сказал голос. — Переносится лишь твоя сущность, которая потом вновь формирует поток. Ты сейчас называешь себя потоком, потому, что не знаешь, какая часть тебя — твоя сущность».

Когда поток услышал это, отдалённые, смутные воспоминания стали возникать в его мыслях. Неясно, смутно он вспомнил то состояние, в котором он — или часть его? — был в руках ветра. Он также вспомнил — вспомнил ли? — что это было реальностью, хотя и не очевидной.

И поток поднял свои пары в гостеприимные руки ветра, который нежно и легко поднял и понёс его, и позволил ему тихо опуститься, когда они достигли вершины горы, находившейся очень-очень далеко.

И из-за того, что у него были сомнения, поток был способен запомнить и запечатлеть в своей душе подробности этого опыта.

Он размышлял: «Да, теперь я знаю мою истинную сущность».

Поток учился. А пески шептали: «Мы знаем, потому что мы видим, как это

происходит день за днём, потому что мы, пески, простираемся всюду от речного берега до горы».

Вот почему говорят, что пути, предназначенные для продолжения путешествия потока жизни, проложены в песках.

Сегодня мы вступаем в мир суфизма. Это — мир, а не мировоззрение. Он трансцендентален, но не является философией трансцендентальности. Суфизм не проповедует никаких теорий, он даёт вам практические намеки.

Суфизм не умозрителен. Он исключительно реалистичен, прагматичен, практичен. Он земной, а не абстрактный. Поэтому у него нет никакого мировоззрения. И, кроме того, поскольку он не является системой, он не систематизирует знание.

Система — это законченное объяснение существования. Суфизм — не система, у него нет объяснения существования, это путь в тайны существования. Он ничего не объясняет, он просто указывает на таинственное. Он вводит вас в таинственное. Суфизм не раскрывает тайну существования. Все системы делают это: вся их работа заключается в том, чтобы сделать неизвестное известным, уничтожить тайну, уничтожить чудо. Суфизм ведёт вас от одного чуда к другому, погружая вас в страну чудес.

Он не система, потому что он никогда не даёт исчерпывающего объяснения чего-либо. Он даёт лишь очень-очень небольшие намеки, вспышки интуиции. Он не прячет философию, его пряжа — рассказы, анекдоты, метафоры, притчи, поэзия. Это не метафизика, это метафора. Это палец, указывающий на Луну. Нельзя понять Луну, анализируя палец. Но если вы следуете указаниям с симпатией, если вы в гармонии с ними, тогда вы сможете увидеть Луну. Палец не Луна, палец не может быть Луной, и всё же палец может указать путь.

Суфийские истории — это не философия. В них тихий намек, шепот. Естественно, только те, кто готов слушать с симпатией, — не только с симпатией, но с проникновением, — только те, кто готов открыть своё сердце с доверием и самоотречением, могут понять, что такое суфизм. Только способные любить могут понять, что такое суфизм. Что он несёт в себе? Это не логический анализ; нет в нём и алогичности дзэна. Суфизм говорит, что быть логичным — это одна крайность, быть алогичным — другая. Суфизм как раз где-то посередине, он ни логичен, ни алогичен. Он не склоняется ни вправо, ни влево. Он не логичен как Сократ и не абсурден как Бодхидхарма. Он говорит, что Бодхидхарма и Сократ только кажутся различными, но их подходы одни и те же. На самом деле Бодхидхарма более логичен, чем Сократ, — вот почему он впадает в алогизм. Если вы всё время следуете линии логики, то рано или поздно вы приходите к точке, где видите, что логика кончается, — но путешествие продолжается. Бодхидхарма — это Сократ, который проделал весь путь и пришёл в пограничную землю, где логика остановилась, но жизнь продолжается. Бодхидхарма выглядит другим, но подход его сократовский; он интеллектуален. Дзэн против интеллекта, но быть против интеллекта — это всё ещё быть интеллектуальным. Дзэн — это антифилософия, но быть антифилософом — это быть в философии: это просто *ваша* философия. Суфизм избегает крайностей. Он следует середине, чёткой середине, золотой середине.

В дзэне ключевое слово — «осознанность». В суфизме ключевое слово — «сердечность». Запомните это — это сделает ясным, в чём их различие. Дзэн против ума, но он идёт за пределы ума посредством ума. Суфизм не против ума, он целиком равнодушен к уму. Суфизм сфокусирован на сердце; он не беспокоится об уме. Он верит в сердечность. Да, к суфиям тоже приходит своего рода пробуждение. Если мы называем пробужденность в дзэне, *сатори* — пробужденностью ума, то для суфийской пробужденности мы должны применить слово

«пробужденность сердца». Путь суфия — путь любящего. Путь дзэн — путь воина, самурая. И в этом существенная разница в подходе...

Оба учения используют рассказы. Дзэн использует рассказы, и суфизм также использует рассказы, но их рассказы имеют разный аромат, разное звучание. Дзэновский рассказ абсурден, — это загадка, загадка, которая не может быть разгадана. Вы можете попытаться, но вы *никогда* не будете в состоянии решить её. Эта неразрешимость встроена, она — неотъемлемая часть дзэновского рассказа. Он *должен* быть абсурден, потому что его назначение — уничтожить ваш ум, шокировать его. Это — меч для уничтожения вашего ума. Он почти доводит вас до безумия, потому что решение не приходит, и вы вынуждены продолжать медитировать над рассказом. Это — средство медитации. Ум предлагает много решений, но все решения отвергаются Учителем. Ученик продолжает день за днём отыскивать новые решения, и Учитель продолжает кричать на ученика: «Это чушь, иди ищи снова». Иногда месяцы, иногда годы проходят, и наступает момент, когда ученик видит, что решения нет. Но помните, что если вы просто думаете, что нет решения, то вы упускаете суть. Вы должны прийти к осознанию того, что решения не существует. В этом состоянии неразрешимости, безвыходности и случается трансценденция, скачок, квантовый переход — вы выходите за пределы ума посредством ума. Дзэновский рассказ функционирует как меч, чтобы разрубить узел ума.

Суфийский рассказ — это не загадка, это — притча. Он не потрясает, он не меч; это — завлечение, это — соблазн. Это — путь того, кто любит. Он очень нежный, мягкий, женственный. Дзэн — мужественен, суфизм — женственен. Дзэновский рассказ сводит вас с ума: создавая безумное состояние в уме, он помогает вам выходить за его пределы. Он делает вас безумным! Суфийский рассказ отравляет вас медленно, медленно, но неизбежно.

В суфийской истории заключена поэзия, ритм. Над ней не нужно медитировать, её нужно созерцать. Над дзэновской историей надо медитировать. Суфийская история должна быть впитана, её нужно пить как чай, ею нужно наслаждаться в расслабленном настроении. В дзэновскую историю нужно проникать с очень и очень концентрированным умом, с крайней интенсивностью и напряжением. Вам нужно сфокусировать на рассказе всю вашу энергию. Вам нужно забыть весь мир; существует только одна эта маленькая абсурдная история. И вы знаете, что она не может быть разрешена, и всё же вам нужно вложить в неё всю вашу энергию. И всё это время вы знаете, что это — абсурд, что это никуда вас не приведёт, но Учитель говорит: «Сфокусируйся! Сконцентрируйся! Будь внимателен! Вглядишься в загадку рассказа!»

Суфийский рассказ нужно слушать просто как рассказ. Суфии — великие рассказчики. Они обычно пьют чай или кофе, сидя вместе в уютном уголке, в тепле. Рассказ начнётся и будет рассказывать его Учитель. Рассказ даёт только проблески, намеки, но очень могущественные, проникающие. Всё, что нужно со стороны ученика — это слушать, слушать не внимательно, но с симпатией, с открытым сердцем, без какого-либо напряжения. Рассказом нужно наслаждаться. Он раскрывает свои тайны, когда вы наслаждаетесь им.

Несколько слов ещё, прежде чем мы начнём наслаждаться рассказом: я сказал вам, что суфизм — это не мировоззрение. Это видение, но не мировоззрение. Мировоззрение — это значит, что вы остались теми же и начинаете верить в философию, в определённое объяснение реальности. Вы остаетесь теми же, вы не изменились. Мировоззрение прибавляет вам некоторые знания, вы становитесь более знающими.

Видение трансформирует вас. Видение становится возможным только тогда, когда вы изменены, когда вы подняты на другие высоты, другие вершины, достигли других глубин жизни.

Суфизм — это видение. Фактически, называть это «суфизмом» неверно, потому что это совсем не «изм». Суфии не называют это суфизмом; это имя дано другими. Они называют своё видение *тассавури*, любовь-видение, подход к реальности с любовью. Это влюблённость в

существование. Человек, который думает о существовании, несколько антагонистичен, потому что создаёт проблему вне существования, как будто существование бросает ему вызов и он должен расшифровать его, должен расшифровать тайну, должен уничтожить эту тайну. Человек борется.

Суфии говорят: «Мы и существование есть единое целое». Нет нужды бороться. Ухаживай, люби, приглашай, будь другом и существование само начнёт открывать свои тайны. Нет нужды насиловать его. Философский подход, научный подход, интеллектуальный подход — это насилие! Это попытка заставить существование раскрыть своё сердце. Это раздевание существования силой и насилием. Насилие может быть осуществлено научными методами или логическими методами — это не имеет значения, — насилие всё равно присутствует. Философ занял такую позицию, будто природа не готова раскрыть свои тайны; их надо взять силой. Это — насильственный подход.

Суфизм говорит, что в этом нет нужды. Существование ждёт, когда вы подойдёте к нему так близко, что оно сможет раскрыть своё сердце. Существование ждёт, что вы влюбитесь в него. Если вы начинаете глубоко любить существование, оно начинает раскрываться, оно открывает свои секреты. Оно долго ждало, чтобы вы приблизились к нему. Нет нужды применять насилие! Вы можете полюбить.

Мировоззрение — это агрессивная позиция, видение — это позиция любви.

Я сказал вам, что суфизм — это не система, потому что все системы создают путы. Они творят тюрьмы вокруг вас. Суфизм — это свобода. Он не создаёт никакой системы вокруг вас. Он не говорит вам верить в какую-либо систему. Да, он говорит о доверии, но не о вере.

Доверие — это совершенно иная вещь. Вера — это вера в теорию, философию, в мировоззрение: вы верите в ислам, в индуизм, вы верите в христианство. Но если вы доверяете, вы доверяете жизни. В жизнь не верят, жизни доверяют; верят в философии. Вера — плохая замена доверия. И запомните: вера — от головы, доверие — от сердца. Их качества различны, совершенно различны, диаметрально противоположны. Никогда не становитесь частью системы верований: никогда не становитесь индуистом, мусульманином, джайном или буддистом. Когда вы становитесь частью системы верований, вы становитесь рабом.

Если вы можете найти место, где вера не навязывается вам, но где учат доверию, найдите такое место. Это то самое место, где вы можете действительно свободно расти и вырасти в свободу. Нет другого роста: рост в свободу — единственный рост.

Я говорил вам, что суфизм это не философия, но это и не антифилософия. Он просто не замечает философии, антифилософии. Он обходит их, он индифферентен. Он говорит: к чему беспокоиться о словах, когда доступна сама реальность? Когда вы можете пить воду, зачем беспокоить себя теориями о воде? Когда вы можете выйти на солнце и исполнить танец с его лучами, к чему беспокоиться о теориях? Почему не иметь опыт, подлинный опыт? Философия идёт кругами, она — вокруг да около. Она не проникает в сердцевину истины. Она думает об истине, а думать о ней — значит фальсифицировать её. С истиной надо встречаться, а не думать о ней. В истину надо не верить, а *жить* ею. Истина — это не заключение: вы не приходите к истине с помощью силлогизмов. Истина — *здесь!* Вы сами — истина, деревья — истина, птицы — истина, Солнце, Луна — истина. Истина — повсюду, а вы закрываете глаза и думаете о ней? Всякое думание уведёт вас в сторону.

Нет нужды думать. Живите ею! Только пережив её, вы познаете её.

Суфизм — это не путь мышления, а путь жизни, способ жизни; не философия жизни, а путь жизни.

Я говорил, что суфизм не спекулятивен. Спекулятивность означает, что вы думаете о вещах, которые вы не знаете. Но это глупо. Спекулятивность подобна слепому человеку, думающему о

свете, глухому, думающему о музыке. Когда вы думаете о Боге, отличаетесь ли вы от слепого, думающем о свете? Вы не видели Бога. Вы не видели Бога, не испытали ничего божественного, но вы продолжаете думать. Что вы будете делать? Да, ум очень ловок, и он может накручивать и свивать красивые системы, которые просто не имеют отношения к делу. Плохие или хорошие, логичные, нелогичные — они просто не имеют отношения к делу. Они не имеют отношения к реальности, они не имеют контекста в реальности, они — лишь игра ума.

Суфизм — это не игра ума; вот почему он практичен, абсолютно практичен. Если вы спросите суфия о Боге, он засмеётся или же он споёт песенку, которая не имеет отношения к Богу, или же он расскажет вам историю, в которой Бог не упоминается, или он скажет нечто, кажущееся абсолютно не связанным с вопросом. Он просто говорит: «Не будьте невежественны. Будем практичными». Вы спрашиваете о Боге, а он будет говорить о молитве, но не о Боге. Истинный суфий будет избегать темы Бога. Он будет говорить о молитве; молитва практична. Вы спрашиваете о рае, а он будет говорить о ваших бедах и о том, как избавиться от них — это практичность. Потому что рай не где-то в стороне, и когда вы отказались от своих путей печали, — вы в раю, или, что ближе к истине, вы и *есть* рай.

Суфии всегда говорят о методах, технике. Они никогда не говорят о «что», они говорят о «как». Тут они так же научны, как любой учёный. Суфизм — это намек о том, какой должна быть религия. Бессмысленно говорить о Боге; создайте лестницу, которая приведёт вас к Богу. Потеря времени говорить о рае; дайте способ обнаружить рай внутри себя. Это — внутренний феномен, это ваше внутреннее измерение. Так же обстоит дело и с адом.

Суфизм даже не религия. Скорее это — религиозность. У него нет церкви, у него нет книги — Библии, Корана, Вед или Дхаммапады. У него нет никакой священной книги. У него нет церкви. Суфизм — это очень раскрепощённая религиозность. Любой может быть суфием: индус, христианин, магометанин. Можно быть суфием где угодно. Это практический подход к тому, как творить религиозность.

Люди думают: «Как принадлежать религии?» Суфии говорят: «Это — глупость». Единственный имеющий смысл вопрос может быть: «Как творить религиозность, как трансформировать свою собственную энергию, чтобы она стала религиозной?» Если вы начинаете принадлежать к религии, у вас будет только ярлычок, но вы не будете религиозны. И ваш другой мир будет лишь проекцией этого мира.

Вы можете пойти и посмотреть потусторонних людей, и если вы понаблюдаете их внимательно, вы будете удивлены: их потусторонность — лишь проекция этого мира. На своих небесах они надеются на те же самые удовольствия, конечно, на более прочной основе, более интенсивные, более живые, но те же самые удовольствия. В своём аду они боятся той же самой боли, тех же самых страданий, только более сильных и более постоянных. Разница только в количестве. Адский огонь будет тот же, что и здесь, но, может быть, более яростный. Он жарче, больнее ранит, но это будет тот же самый огонь. А в раю? Там будет та же самая пища, более приятная, более питательная, но разница в количестве, а количество — это не истинное отличие. Разница возникает тогда, когда вы переходите от количественного видения к качественному. Когда вы начинаете менять качество вашей жизни, вот что такое религиозность.

Истинно религиозный человек не может быть индуистом, мусульманином, христианином. Он просто религиозен. Иисус — не христианин, он религиозен; я называю его суфием. Будда — не буддист, он просто религиозен. Я называю его суфием.

Суфий — это тот, кто заглянул в самую суть религии и отбросил всё несущественное.

Я приглашаю вас в это благословение, называемое суфизмом, но вы можете войти только, если вы имеете большую симпатию. Слушайте с любовью; аргументы не помогут. Суфизм не делает усилий, чтобы убедить вас. Он просто делает себя доступным для того, кто готов принять

участие в нём. Это — открытое приглашение для всех и для каждого, но только те, кто имеет достаточно смелости не быть рассудочным, будут способны войти в мир суфизма. Симпатия должна быть основой, участие должно быть основой. Войдите во взаимное понимание. И помните, что аргументирование — это трусость. Все трусы спорят, и все трусы могут спорить. Только смелые прыгают в неизвестное. Неизвестное невозможно обсуждать, — поэтому оно и называется неизвестным.

Вы можете обсуждать известное, вы можете прийти к заключениям относительно известного при помощи мышления, но как вы можете судить о неизвестном? Мышление может вам дать только старое, только то, что известно и испытано. Мышление не может вам дать того, что никогда не было пережито и неизвестно. Если вы будете одержимы мышлением, вы попадёте в тупик. Неизвестное не приходит из вашего прошлого, оно входит из будущего. Неизвестное не приходит из вашей памяти — иначе это не будет неизвестное. Неизвестное проникает в вашу память, но приходит из источника, о котором мы ничего не знаем, из неизвестного источника. Ваша память должна уступить: вот что я имею в виду, когда говорю: «Настройтесь и слушайте сочувственно». Я не предлагаю философский аргумент. Я просто расскажу вам историю. При рассказе вы не спорите. При рассказе вы просто слушаете как ребёнок. Вы наслаждаетесь нюансами, поворотами, неожиданными поворотами. Вы просто начинаете проникать в дух рассказа, в то, что он хочет рассказать, а он имеет поведать многое. И чем глубже ваше проникновение, тем большие глубины рассказ откроет вам.

Доверяйте...

Пусть доверие будет *вашим* подходом к суфизму. Суфизм доступен только тем, кто доверяет. И опять-таки помните, что только смелые могут доверять. Трусливые всегда пасуют перед неизвестным.

Теперь — история... одна из самых красивых.

Поток, родившийся далеко в горах, пройдя через разные земли, достиг, наконец, песков пустыни.

Каждое слово несёт многое и вам нужно войти в дух каждого слова.

Поток...

Поток — это метафора жизни, вашей жизни, моей жизни, жизни каждого. Вы не появились здесь внезапно, вы не появились здесь случайно. Вы были здесь извечно, всегда. Из вечности поток ваш взял начало, из далёких гор, которые вы совсем забыли, из источника... о нём не осталось следа в вашей памяти.

И вы «проходили через разные земли»: вы были камнем, были деревом, вы были птицей и вы были животным — вы были всем! Все виды переживания были доступны вам. Вы прошли множество ландшафтов. Вы прошли через все вероятности, все возможности — так жизнь продолжает обогащать вас.

Но вы всё время забываете. Это слишком много, это не может удержаться в памяти. Каждодневные заботы — это тоже слишком много, они занимают слишком большую часть вашего сознания, поэтому вы не можете помнить. Вам приходится забывать большую часть

вашего опыта, потому что вы имеете очень маленькое внимание и это внимание может вместить лишь небольшую часть. Каждый день вам приходится забывать почти девяносто девять процентов вашего опыта; остаётся один процент. Через несколько дней даже этот один процент не остаётся полностью — часть его исчезает. После нескольких лет всё проходит, остаётся лишь неотъемлемый аромат.

Если ваше внимание растёт, вы сможете вместить больше. Будда сказал, что если ваш ум разгружен от повседневных забот, вы сможете вспомнить ваши прежние жизни — и это так. Если ваш фокус на мирское расслаблен, то свет начнёт падать на прошлое. Будда помнил и рассказывал о всех своих прошлых жизнях, о тысячах жизней, — когда он был слоном, и когда он был деревом, и так далее. И это ваши жизни тоже.

Вы не появились здесь внезапно. Вы непрерывны. Сознание — это поток.

На западе Вильям Джеймс впервые использовал эти слова — «поток сознания». Он, должно быть, узнал их из какого-нибудь суфийского источника, иного пути нет, — потому что суфизм всегда говорил о потоке сознания, потоке жизни. Она подвижное, текучее явление; она — движение, она не статична. Даже пока вы здесь, вы не статичны. Каждый момент вещи меняются: тело — поток, душа — поток, ваше существование — поток. Каждый последующий момент вы не тот же самый. Утром вы были таким счастливым и доверчивым, к полудню вы стали сомневающимся и неудовлетворённым, а к вечеру каждый человек становится скептическим, циничным и саркастичным. Рано утром каждый, кажется, наполнен молитвой, невинен. В течение дня, когда вас обманывают, толкают, тянут с разных сторон, вы начинаете терять невинность.

Вы постоянно меняетесь... движение. И если вы пытаетесь оставаться тем же, вы порождаете страдание, потому что тогда вы боретесь с самой вашей жизнью. Завет таков: теки, расслабься. Завет таков: не плыви против течения. Завет таков: двигайся с потоком; это твоя жизнь. И не бойся, потому что этот поток уже течёт века, тысячелетия, — нет нужды бояться, — и этот поток так же будет течь века в будущем. Он продолжается от одной вечности к другой.

Вы — основа Вселенной. Вы не исчезнете. Даже когда вы исчезаете много раз, вы остаетесь; существенное остаётся. Только несущественное исчезает, но несущественное — это не вы.

Поток, родившийся далеко в горах, пройдя через разные земли, достиг, наконец, песков пустыни.

Ещё несколько слов об этом предложении...

Источник находится высоко в горах, на вершинах. Это — то, что говорила каждая религия мира: что человек спустился от Бога, источник высоко в горах, человек спустился с высот. Вот почему христианство было так против идеи дарвиновской эволюции, — потому что эта идея идёт против всякой религии.

Теория эволюции проповедует, что человек пришёл не с гор, а из долин; что человек поднимался, рос вверх. А все религии мира учили как раз обратному: они говорили, что человек спустился с небес, что он происходит от Бога. И есть нечто, что следует понять в этом: если вы пришли от Бога только тогда вы можете идти к Богу, иначе — невозможно, потому что источник всегда есть конечная цель. Круг замыкается, вы достигаете той точки, откуда пришли.

Дарвин создал очень странную философию: линейную прогрессию, в которой вы продолжаете развиваться и развиваться, но где конец этого развития? Оно подобно линии, оно

продолжается и продолжается. Оно начинается где-то в тёмной долине. Где будет его конец? Оно не может где-либо закончиться. Оно — линейно, оно всегда остаётся незавершённым, всегда остаётся неудовлетворённым, оно всегда остаётся неисполненным.

Религии говорят нечто совсем иное. Они говорят, что человек исходит от Бога и в конце пути достигает Бога вновь. Это круг, это завершение и в завершении полнота.

Поток, родившийся далеко в горах, пройдя через разные земли, достиг, наконец, песков пустыни.

Наконец!

Каждое сознание достигает точки тупика, точки, которую суфии называют «пустыней». Пустыня — это то место, где вы начинаете чувствовать, что исчезаете. Пустыня — это точка, где вы чувствуете, что умираете. Пустыня — это точка, где вы чувствуете *предельную* безнадёжность, бессмысленность, точка, где вы начинаете размышлять о самоубийстве, точка, где вы не можете понять, что делать, что не делать, быть или не быть. Однажды каждому сознанию приходится предстать перед пустыней, потому что, не пройдя через пустыню, вы по-настоящему не будете зрелым. Это — часть обучения каждой души. Фактически, когда вы начинаете сталкиваться с пустыней, вы начинаете думать о религии. Когда дела идут хорошо, кто беспокоится о религии? Кто размышляет? Кто медитирует? Кто молится? Когда дела идут скверно, тогда вы начинаете думать, что, должно быть, с вами что-то основательно неладно.

Это странный феномен — всякий раз, когда человек имеет всё, в чём нуждается, он сталкивается с пустыней. Общество изобилия встречается с пустыней. Бедное общество всё ещё далеко от пустыни. Изобилие придвигает пустыню очень близко, потому что вы имеете всё, что ожидали: вы имеете женщину, которую хотели, дом, деньги, престиж, могущество. Вы имеете всё, о чём мечтали, теперь не о чем больше мечтать: пришла пустыня. Теперь вы чувствуете некий род бессонницы. Вы не можете даже спать, пустыня везде вокруг.

Как преодолеть эту пустыню? Пустыню бессмысленности, пустыню муки, пустыню абсурда.

Точно так же, как он пересёк другие препятствия, поток попытался пересечь и это...

Естественно. Мы всегда действуем вновь, исходя из нашего прошлого опыта. Это всегда срабатывало, поэтому мы думаем, что это будет действовать в каждой ситуации, но однажды возникает ситуация, когда прошлое просто неуместно; оно не срабатывает. Это истинный кризис... и также истинная возможность.

Китайское слово, обозначающее кризис, — они не могут иметь слова, у них картинки, — китайская идеограмма, обозначающая слово кризис, очень красива. Она состоит из двух маленьких картинок, двух маленьких идеограмм: одна обозначает опасность, другая обозначает возможность. Кризис — это опасность и возможность; это будет зависеть от вас. Если вы продолжаете действовать, исходя из прошлого, вы подвергаете себя самоубийству. Это опасно. Если вы имеете способность видеть, что проблема новая, то и ответ должен быть новым — старые ответы не подходят, — если вы имеете эту способность видеть, тогда это большая

возможность. Проходя через пустыню, вы достигнете большой зрелости и большой целостности. И помните, так случается каждый раз.

Как раз вчера вечером прекрасная женщина принимала санньясу. Она испытывала страх. Страх был большой, страх был в том, что она не смогла сдержать одного обещания — обещания супружества, поэтому она опасалась, что не сможет сдержать обеты санньясы. Но супружество — это супружество, а санньяса — не супружество. Супружество — это узы, а санньяса — это свобода. Супружество — это цепь, это — закон. Санньяса — это освобождение, это любовь. Но вы понимаете, её сомнения прошли глубоко внутрь её. Она хотела принять санньясу — стать искренней женщиной, — но она боялась, сможет ли она выполнить обеты, поскольку она не могла делать этого раньше. Она не могла сдержать обещания, которые давала своему мужу.

Мы всегда думаем, исходя из прошлого. Так реагирует *каждый*. В этом смысл реакции. В этом состоит разница между реакцией и ответом. Ответ заключается в том, чтобы видеть, что ситуация столь нова, что вы не можете исходить из прошлого опыта; увидев это, вы отвечаете на ситуацию. Вы справляетесь с ситуацией, вы не думаете о прошлом. Если вы думаете о прошлом и если вы вносите своё прошлое в это, то вы разрушаете возможность роста и поступаете по старому образцу, по старой привычке. Вот что происходит.

Вы были христианином, вы были индусом, а теперь вы боитесь быть санньясином. Вы думаете, что это ещё одна церковь. Это не так! Вы думаете, что это опять становится частью системы верования. Это не так! Вы встречаете что-то совершенно новое. Но, естественно, вы действуете, исходя из прошлого. Вы думаете: «Я был христианином, и какой теперь смысл становиться санньясином?».

Это случается каждый день. Буддийский монах пришёл и сказал: «Я сыт своим монашеством, поэтому я не хочу становиться санньясином». Я ответил: «Но это не означает быть монахом. Мои санньясины — не монахи!»

Слово «монах» обозначает того, кто живёт один, в одиночестве. «Монастырь» — того же корня. «Монах» — человек, который отрекается от мира и живёт один. Слово «монополия» имеет тот же корень, и «моногамия» происходит также от него. Они все обозначают «один» — один муж для одной жены, моногамия. «Монополия» обозначает, что один человек обладает властью над всей вещью.

Мои санньясины — не монахи, они — «не-монахи». Мои санньясинки — не монашки. Я не разрушаю людей. Монашка — это крушение женщины. Монах — это карикатура на мужчину. Я расширяю их человечность, я расширяю их жизнь и их любовь. Но, естественно, когда приходит буддийский монах, он думает, когда приходит католический монах, он думает: «Какой смысл?».

Как раз несколько дней назад здесь был католический монах. Прожив в католическом монастыре двенадцать или тринадцать лет, он как-то сбежал оттуда. Теперь он напуган. Он сказал: «Теперь я очень напуган! Я боюсь вас, Бхагаван, потому что вы так призываете меня, что я боюсь, что могу стать санньясином. Я только что бежал и я не хочу снова войти в какую-нибудь другую систему».

Это — естественно, вы понимаете, но естественное не всегда обязательно истинно. Бывают ситуации, когда вы встречаетесь с чем-то совершенно новым, с тем, с чем вы никогда не сталкивались раньше, но ваши глаза полны прошлым. Они интерпретируют старыми, гнилыми способами.

Точно так же, как он пересёк другие препятствия...

Он пересёк горы, он пересёк равнины, он пересёк долины. Поток пересёк многое, очень многое. Придя из высоких гор, из некоего неизвестного источника, он путешествовал долго, он совершал великое паломничество. Он имеет большой опыт, как преодолевать твёрдые скалы; он всегда выходил победителем. Теперь весь этот опыт становится барьером.

...поток попытался пересечь и это, но обнаружил, что бежит в песок, что его воды исчезают.

Возникла новая ситуация. Мудрость состоит в том, чтобы, встречаясь с новым явлением, не обращаться к старому. Когда ситуация новая, будь новым! Будь изобретательным! Просто откинь прошлое! Взгляни по-новому! Пусть ваше сознание отвечает на новое. Отражайте его! И не бойтесь ошибок и упущений, потому что в новой ситуации единственной непростительной ошибкой будет использование того, что было полезным в какой-то другой ситуации — единственной ошибкой, которая не может быть прощена! Все другие ошибки и упущения особенно хороши, с ними всё в порядке; вы учитесь на них.

Он был убеждён, однако, что его назначение — пересечь пустыню, но не было пути.

Слово «убеждение» используется у суфиев очень странным образом.

Вы говорите: «Я убеждённый христианин», или «Я убеждённый индуст» — это не имеет значения, суфийского значения. Суфии считают, что убеждение означает то, что исходит из глубин сердца, а не извне. Например, каждый ищет счастья — это убеждение. Это естественно. Никто не внушал вам: ищите счастья — это стремление, присущее вам самим; каждый ищет и желает его. Никто не говорил вам, что счастье возможно. Фактически, многие философы говорят, что счастье невозможно. Фрейд говорит, что счастье невозможно. Ницше говорит, что счастье невозможно — оно никогда не случилось и не случится. Этого не может случиться по самой природе вещей; это невозможно». И всё же — кому есть дело до Фрейда и Ницше? Люди продолжают искать. Даже Ницше всю жизнь искал счастье, даже Фрейд искал его. В свои философские моменты он знал, что это невозможно, но были и нефилософские моменты, когда он был просто человеческим созданием, а не психоаналитиком, не основателем психоанализа, а отцом, мужем, любовником, другом. Тогда и он принимался искать счастье, хотя и знал, что это невозможно. Но это знание остаётся поверхностным.

Убеждение — это то, что присуще вам, встроено в вас. Птица, вьющая гнездо на дереве, убеждена в чём-то, чего она не знает. В прошлом она никогда не делала гнёзд, в прошлом она никогда не высиживала птенцов — всё это в первый раз, — и она никогда ни в какой школе не училась вить гнёзда. Никто не рассказывал ей, никто не учил её — и вдруг появилось убеждение. В тот момент, когда птица созрела, из некоей неизвестной глубины приходит убеждение, что гнездо должно быть построено, — не столько из головы, но из самого её существа. Она начинает действовать. Надо сделать тысячу вещей, и к появлению потомства гнездо готово. У неё нет никакой идеи о детях, какие они бывают, какие бывают гнёзда, но всё происходит как надо. Это — убеждение в суфийском смысле слова.

Суфии используют слова по-своему. Они крутят и вертят языком. Они подгоняют язык к

своему собственному видению. И я чувствую, что их использование слова «убеждение» точно такое, каким оно должно быть.

Он был убеждён, однако...

...Вопреки всякому знанию, вопреки всякому опыту. Поток видел, что он исчезает в пустыне, но у него всё же было убеждение, что его назначение — пересечь эту пустыню.

Нет ли этого убеждения в вас тоже? Не убеждены ли вы «во всяком случае»? Нет ли глубоко в недрах вашего существа убеждения, что это существование — не ваш дом, что вам нужно найти ваш дом, что вы здесь как бы только прохожий, что жизнь, которую вы ведёте, как-то поверхностна — в вашем предназначении должно быть нечто большее, — что ваша жизнь, это не та жизнь, что была вам предназначена? Это убеждение — внутри вас; отсюда поиск, риск, отсюда продолжение поиска здесь и там, в этом направлении, в том направлении... Где-то должен быть путь поиска для исполнения вашего предназначения.

Кто сказал вам, что это не ваш дом? Кто сказал вам, что есть ещё нечто большее, чем эта жизнь? Кто сказал вам, что существует некая жизнь за порогом смерти? Никто не возвращался из мёртвых, никто не рассказывал: «Я выжил!» Никакой Будда, никакой Махавира, никакой Кришна не возвратились из мёртвых, но всё же есть тонкое убеждение, непоколебимое убеждение, что как-то вы продолжите жизнь. Это тело уйдёт, эта жизнь уйдёт, но жизнь продолжится, жизнь с большой буквы.

Он был убеждён, однако, что его назначение — пересечь пустыню, но не было пути. В этот момент тайный голос, исходящий из самой пустыни, прошептал: «Ветер пересекает пустыню, это же может и поток».

Теперь взгляните с величайшим расположением на этот рассказ. В нём содержится великий завет для вас.

Он говорит, что «пустыня сама прошептала». Что это значит? Это значит, что если вы вслушаетесь в ситуацию, в проблему, которая перед вами, в кризис, через который вы проходите, если вы вслушиваетесь молчаливо в сам кризис, вы найдёте ключ, чтобы открыть дверь. В самой проблеме заключено её решение: в этом смысл. В болезни скрыто лекарство, лечение. Если вы можете входить в проблему без каких-либо готовых ответов, проблема будет шептать вам, как она может быть решена.

Пустыня — это кризис потока, поток умирает в пустыне. Но взгляните! — даже пустыня ваш друг. Вам просто надо прислушаться.

Когда вы гневааетесь — вслушивайтесь в свой гнев, вы найдёте ключ, чтобы открыть двери сострадания. Когда вас одолевает секс — вслушивайтесь в вашу сексуальность, и вы найдёте дверь к *самадхи*. Вслушивайтесь в вашу алчность и вы будете удивлены, что в самом феномене алчности скрыт секрет щедрости.

В этом — искусство медитации. Это и есть настоящая медитация: когда бы вы ни встретились с проблемой, войдите в неё, — а войти вы можете только в том случае, когда вы не имеете заранее готовых решений. Такие решения — ваши враги. Теперь посмотрите за переменной: вы считаете, что те решения, которые находятся в вашей голове в качестве

знаний, — ваши друзья, вы думаете, где бы вы были без них? Это не так; эти решения — ваши враги. Из-за этих решений вы не можете вслушаться в молчаливый шепот проблемы, вы не можете проникнуть в тайну проблемы.

Посмотрите на это следующим образом: вы знаете, что секс нехорош, потому что вы читали об этом в священном писании. Вы знаете, что это грех, потому, что так веками говорили священники. Теперь это укоренилось в вас, это ваше знание: секс — это грех. Из-за этого вы никогда не будете способны взглянуть в секс глубоко, с проникновением, вы никогда не будете способны войти в его тайну. Мысль о том, что секс — грех, будет препятствовать вам. Вы знаете, что вы уже знаете, поэтому нет смысла обучаться.

Если вы вслушиваетесь в феномен секса, который стучится в вашу дверь каждый день, год за годом, и продолжает стучаться даже когда вы умираете... Вы будете удивлены, узнав, что когда распинают приговорённых к смерти, последняя вещь, которая происходит с мужчиной, — это эякуляция. Мы не можем быть уверены в отношении женщины, потому что у неё нет эякуляции. Она, должно быть, испытывает оргазм, но это невидимо. Это я замечал у многих людей, при смерти которых присутствовал; это было с детства одним из моих хобби.

В моём городе я никому не позволял умереть без моего присутствия. В тот момент, когда я узнавал, что кто-нибудь умирает, я был там. Если меня не находили несколько часов, мои родители знали: «Надо посмотреть, кто умирает. Он должен быть там». Я должен был следовать за похоронной процессией, я должен был идти к каждому умирающему человеку, богатому, бедному, нищему — даже к умирающей собаке или кошке, — и я сидел и наблюдал. И чем восприимчивей я становился, тем большим было моё удивление. Я видел, как это случается снова и снова: последняя идея, когда человек умирает, — это идея секса. То же происходит с собакой и с кошкой.

Секс продолжает упорствовать. И он оставляет вас только тогда, когда вы усвоили урок, но, чтобы усвоить урок, вам надо будет вслушиваться в секс. Вам следует быть глубоко медитативными по отношению к сексу, а не противостоять ему. Вам надо быть очень молчаливыми. Войдите в секс, как вы входите в храм — это святая святых — потаённый ключ спрятан там, главный ключ. Из-за того, что секс является источником жизни, он содержит ключ, который может открыть двери.

Вот в чём заключается смысл шепота пустыни: «Ветер пересекает пустыню, это же может и поток».

Поток возразил...

...Точно так же, как вы возражаете мне много раз. Каждый день я получаю письма — возражения, возражения: «Это не должно быть так, это должно быть этак» — и вы не знаете, что вы говорите. Вы не знаете, где вы, вы продолжаете предписывать, советовать, возражать.

Совсем недавно я получил письмо. Человек имеет сильное желание стать санньясином, но он имеет возражения против санньясы, «потому что это род рабства». Вы ничего не знаете о санньясе, вы ничего не знаете об отдаче своей воли. Отдача своей воли делает вас господином, а не рабом, — но эту тайну надо пережить, и нет другого пути понять всё. А все ваши возражения приходят из вашего прошлого знания. А это прошлое знание не подходит больше, не подходит для санньясы. Вы никогда не были санньясином!

Эта река никогда не вступала в пустыню, никогда не пересекала пустыню. Пустыня впервые появилась в жизни реки.

Поток возразил, что он бросался на песок, но только поглощался им; что ветер мог летать, и, поэтому, он мог пересечь пустыню.

«Но как я могу?» — очень логично. «Ветер может летать, я не могу летать. Ветер может пересечь пустыню, но как могу я?»

«Двигаясь своим обычным способом, ты не можешь пересечь пустыню».

Вслушайтесь...

Пустыня говорит: «Двигаясь своим обычным способом, ты не можешь пересечь пустыню». Вам придётся оставить обычные пути, привычные пути. Вот что такое самоотречение: оставить обычное, оставить прошлое, оставить известное, оставить заученное, и встретить новое с новым сознанием.

«Ты либо исчезнешь, либо станешь болотом. Ты должен позволить ветру пронести тебя к месту твоего назначения».

Вот что такое сдача. Вы должны сдаться. Вы должны позволить самому существованию привести вас к месту назначения. Вот что значит самоотречение. Пустыня учит поток тому, как отречься от самого себя.

«Но как это может случиться?»

«Позволь ветру поглотить тебя».

Это смерть, это умирание — умирание в Учителе, расслабление в Учителе; тот, кто исчез, исчезает в нём.

Эта идея была неприемлема для потока, ведь раньше его никто никогда не поглощал. Он не хотел терять своей индивидуальности.

Люди приходят ко мне и говорят: «Санньяса — это хорошо, но что будет с нашей индивидуальностью? Не потеряем ли мы нашу индивидуальность?».

У вас нет её. А вы так обеспокоены её потерей. Какую индивидуальность вы имеете? Река обеспокоена, что она потеряет свою индивидуальность. На самом деле, помните всегда: существенное никогда не может быть потеряно. Вот почему при самоотречении, когда вы отказываетесь от самого себя, только несущественное исчезает, а существенное возникает в своей полной ясности и чистоте. Оно было скрыто в несущественном. Несущественное

составляло девяносто девять процентов, мусор составлял девяносто девять процентов, а Кохинор, алмаз вашего существования, был под этим мусором. Когда вы отказываетесь от самого себя, вы отказываетесь только от мусора, вы можете отказаться только от несущественного. Существенное — это то, от чего нельзя отказаться; нет способа от него отказаться. Итак, когда мусора больше нет, впервые вы осознаёте свою существенную сердцевину, ваш Кохинор, ваш алмаз. Но поток боялся.

Он не хотел терять своей индивидуальности. Однажды потеряв её, как он мог знать, что обретёт её снова?

Это и ваш страх. Каждый тем или иным способом колеблется перед санньясой. Как можно быть уверенным, что отдав себя полностью, вы не будете потеряны? Как вы вновь обретёте себя? Нельзя сердиться на поток. Естественная логика, ваша логика, логика каждого: «Откуда я знаю, что существенное также не будет потеряно, и как я опять вернусь к себе?» Страх естественен.

«Ветер, — сказал песок, — совершает эту миссию».

Роль Учителя — это роль ветра: он позволяет вам раствориться в нём. При этом растворении несущественное исчезает, а существенное впервые сияет для вас. Вы отдаёте себя Учителю, и Учитель возвращает вам ваше внутреннее существование, ваше реальное существование. Он отберёт только то, чем вы не являетесь. Он отбирает только то, что вы никогда не имели в себе, и отдаёт вам то, что вы всегда имели, но никогда не осознавали. Он отдаёт то, чем вы являетесь, и отбирает то, чем вы не являетесь.

«Ветер... совершает эту миссию. Он поднимает воду, несёт её через пески, и затем позволяет ей упасть опять. Падая как дождь, вода вновь становится потоком».

«Откуда я могу знать, что это правда?»

Каждый ищущий спрашивает однажды: «Откуда я знаю, что это правда? Это может быть просто мифом, басней, верованием, предназначенным для того, чтобы эксплуатировать потоки. Это может быть обманом, это может быть тонким трюком, чтобы надуть, это может быть стратегией. Откуда я могу знать, что это правда?»

Река хочет убедиться логически. Река хочет доказательства. Река хочет иметь точные сведения о том, что произойдёт.

«Это так, и если ты не поверишь этому, то ты сможешь стать лишь трясиной, да и то это займёт много-много лет; и это определённо не то же самое, что быть потоком».

Пустыня говорит: «Это так. Нет способа доказать это. Нет возможности увидеть это заранее. Можно узнать только войдя в это».

Люди приходят ко мне и спрашивают: «Что такое санньяса?» Я всегда в затруднении. Что сказать им? Всё, что я могу сказать им — это: станьте санньясином и вы узнаете, что это такое. Это постигается опытным путём, это проба, это можно узнать только попробовав. Но они логические люди, рациональные люди, и они говорят: «Хорошо, но где доказательства, что однажды войдя в это... А если ничего не случится, если в этом нечего пробовать, если в этом нет никакого удовольствия... Нужна некая гарантия, некое доказательство. А если нет доказательства, по крайней мере нужно быть уверенным в одном: что мы опять можем стать теми же, кем были раньше. Растворить себя — это переход в небезопасное положение, это вхождение в нечто, подобное тёмной ночи. Это рискованно».

Но нет пути узнать о вещах, которые лежат за пределами. Единственный способ — это войти в них, быть ими. «Одно определённо, — говорит пустыня, — я не могу дать тебе никакого доказательства. Я могу только сказать, что это так. Я видела, как это случается вновь и вновь. Но если ты не веришь этому, ты станешь лишь трясинной. Так что можешь выбирать: либо ты становишься трясинной, либо ты рискуешь и исчезаешь в ветре. Но решившись стать трясинной, ты уже никогда не станешь вновь потоком. В любом случае поток исчезнет». Ты можешь исчезнуть в трусости, и тогда ты станешь трясинной. И ты можешь исчезнуть в смелости, в смелом прыжке. Есть возможность: если ты сможешь довериться, ты сможешь возникнуть опять, в другой форме, на другом уровне».

Когда ученик исчезает в Учителе, он исчезает на очень низком уровне и рождается на более высоком. Он умирает в грубом и рождается в тонком. Он умирает в теле и рождается в духе. Он умирает как окружность и рождается как центр. Но решение принадлежит вам; вы можете стать трясинной. Но помните, и в этом случае реки больше нет.

«Но может ли быть так, что я не останусь тем же потоком, что есть теперь?»

Поток задаёт очень и очень неуместный вопрос: «Разве есть только эти две альтернативы — или я вынужден стать трясинной и потерять свою индивидуальность, или я должен исчезнуть в ветре и подвергнуться риску некоторого неизвестного путешествия, не зная, где оно опустит меня на землю, или вернусь ли я снова на землю или нет? Разве есть только эти две альтернативы?»

«Но может ли быть так, что я не останусь тем же потоком, что есть теперь?»

То же думаете и вы. Но вы не можете остаться тем же. Жизнь движется, и нет пути назад, нет пути остановить движение.

Великий учёный Эддингтон сказал, что слово «покой» бессмысленно, потому что в жизни нет ситуации, которая соответствовала бы слову «покой». Всё движется, ничто не пребывает в покое. Звёзды движутся, и Земля, и Солнце, и жизнь движется, и деревья движутся — всё в движении. Ни на мгновение нет покоя. Даже когда вы спите и говорите «я отдыхаю», вы не в

покое. Всё движется. Через восемь часов вы будете на восемь часов старше. Даже в вашем глубоком сне сновидения движутся, движется ваше сознание, меняется ваше тело, ваша душа меняется. Всё есть движение, жизнь есть движение, поэтому нет способа остаться тем же самым.

«В любом случае ты не можешь оставаться тем же, — сказал голос. — Переносится лишь твоя сущность, которая потом вновь формирует поток. Ты сейчас называешь себя потоком, потому, что не знаешь, какая часть тебя — твоя сущность».

Единственный способ узнать существенное — это отбросить несущественное. Единственный способ узнать, что такое истина, — это узнать, что фальшивое есть фальшивое.

Когда поток услышал это, отдалённые, смутные воспоминания стали возникать в его мыслях.

Да, это было истиной; поток мог видеть. Поток не был человеком. Человеческие создания очень слепы; даже потоки не столь слепы. Человеческие создания тупы, глупы и упрямы. Поток смог понять это: «Я не смогу остаться тем же самым. Я никогда не был тем же самым даже в два последовательных момента, вещи всегда изменялись. Это — истина! Я постоянно изменялся. За исключением самого изменения, всё меняется. Это — истина».

Поток смог понять суть. И он смог увидеть две альтернативы: либо стать болотом, грязной трясинкой и потеряться в пустыне навсегда, либо рискнуть исчезнуть в ветре, испариться, довериться и посмотреть, что произойдёт! Вы не потеряете в любом случае. Вы не можете остаться тем же, поэтому нет другой альтернативы. Теперь единственная альтернатива — стать трусливой трясинкой или же смелым прыжком.

Люди, которые остаются в сомнении, становятся трясинкой. Только те, кто умеет доверять, знают, что такое реальность. В тот момент, когда поток осознал слова шепота, отдалённые отголоски начали подниматься в его мыслях.

Это же происходит и с вами! Когда вы слушаете меня, всякий раз момент доверия возникает в вас, смутные отголоски... нечто из вашего собственного подсознания начинает подниматься на поверхность.

Неясно, смутно он вспомнил то состояние, в котором он — или часть его? — был в руках ветра.

Если вы слушаете меня, если вы принимаете участие в моём существовании, смутные отголоски будут подниматься в вас: да, где-то, в какой-то момент вы были частью существования. Вы существовали без каких-либо забот, без какого-либо долга. Вы существовали как бы одномоментно с целым — это было в чреве вашей матери. И, если это было возможно, почему это не может стать возможным снова? Существование заботилось о вас; если вы расслабитесь, может быть оно сможет заботиться снова.

Неясно, смутно он вспомнил то состояние, в котором он — или часть его? — был в руках ветра. Он также вспомнил — вспомнил ли? — что это было реальностью, хотя и не очевидной.

Запомните это великое утверждение: очевидное и естественное не обязательно является реальным. Очевидное — это то, что согласуется с вашим прошлым. Естественное — это то, что созвучно вашим привычкам; это не обязательно реальное. В жизни приходит момент, когда вы встречаетесь с пустыней, когда всё знание бесполезно, всё прошлое не годится, все привычки, привычные методы мышления и поведения просто бессмысленны. Это момент кризиса, момент встречи с пустыней — великий момент. Если вы будете достаточно смелы, чтобы рискнуть, вы трансформируетесь.

И поток поднял свои пары в гостеприимные руки ветра, который нежно и легко поднял и понёс его, и позволил ему тихо опуститься, когда они достигли вершины горы, находившейся очень-очень далеко. И из-за того, что у него были сомнения, поток был способен запомнить и запечатлеть в своей душе подробности этого опыта.

Он размышлял: «Да, теперь я знаю мою истинную сущность».

Поток рискнул; это была единственно мудрая альтернатива.

Если вы видите ясно, выбора нет. Если вы видите ясно, вам придётся делать то, что является истиной. Выбор существует только в затуманенном уме. Вам будет странно узнать, что ум, имеющий прозрачную ясность, не имеет выбора. В нём нет альтернатив. Какие альтернативы могут быть там? — либо что-нибудь верно, либо — нет. Когда вы имеете ясность, когда вы имеете ясность и осознание, вы просто видите верное и поступаете верно. У вас нет мыслей, делать вам верное или неверное; альтернативы не остаётся. Альтернатива появляется только в затуманенном уме. Затуманенность создаёт выбор. Затуманенный ум не может видеть, что верно, а что неверно: может быть это верно, а может быть то, может быть это неверно, а может быть то. Всё это возможно, всё может быть — отсюда выбор.

Много раз люди спрашивали меня: «Что такое грех и что такое добродетель? И как в них разобраться?» Если вы решаете, ваше решение не будет верным. Если выбираете, вы будете неправы. Всякий выбор ошибочен. Нет способа решить. Нет нужды решать, что есть грех, а что такое добродетель. Вам необходим лишь прозрачный ум, ясность, ум без мыслей, не-ум, сознание, подобное зеркалу. В таком сознании всё, что происходит — добродетель, В таком сознании всё, что не может произойти — грех.

И поток поднял свои пары в гостеприимные руки ветра.

Поток мог ясно видеть, что это единственный возможный путь, альтернативы нет: «Я не могу быть тем же... а становиться трясиной — это идти в ад. Поэтому, почему бы не попытаться, почему бы не рискнуть?»

И поток рискнул, стал паром, исчез в ветрах.

...в гостеприимные руки ветра...

Они всегда гостеприимные. Существование всегда готово обнять вас. Вы просто всё время бежите, всё время убегаете.

...который нежно и легко поднял и понёс его...

Вселенная всегда любит вас, она всегда готова помочь вам. Вы всегда дитя для неё. Она очень нежна, она проявляет заботу очень деликатно. Она очень заботлива, она очень обходительна. И если когда-нибудь вы чувствуете, что жизнь жестока с вами, помните всегда: вы наверняка находитесь в борьбе с ней. Ваша борьба создаёт проблемы. В ином случае существование всегда милосердно, всегда как мать.

...который нежно и легко поднял и понёс его, и позволил ему тихо опуститься, когда они достигли вершины горы, находившейся очень-очень далеко. И из-за того, что у него были сомнения, поток был способен запомнить и запечатлеть в своей душе подробности этого опыта.

Он размышлял: «Да, теперь я знаю мою истинную сущность».

Личность, которую вы имеете сейчас, это не ваша истинная личность. Это — ложь. Ваше имя лживо, ваша форма лжива. Вы и не имя, и не форма — то, что индусы называют *намарупой* — это не вы. Вы — нечто, лежащее за пределами этих двух сущностей. Но вы не знаете, кто вы на самом деле: это возможно только в том случае, когда вы отрекаетесь от самого себя.

Самоотречение означает отречение от своей ложной личности. Самоотречение означает отречение от своей ложной природы. Вот почему в санньясе изменяются ваши имена, ваши одежды. Это просто символ, который говорит вам, что вы больше не являетесь частью вашего прошлого, что ваше имя ушло, что всё, что связано с вашим именем, ушло; ваша одежда изменилась — вы начинаете думать по-новому о своём существовании.

«Да, теперь я знаю мою истинную сущность».

Поток учился. А пески шептали: «Мы знаем, потому что мы видим, как это происходит день за днём, потому что мы, пески, простираемся всюду от речного берега до горы». Вот почему говорят, что пути, предназначенные для продолжения путешествия потока жизни, проложены в песках.

Вслушайтесь в мудрость песков.

Этот рассказ имеет необычайную ценность. Если вы позволите ему упасть в ваше сердце подобно семени, вскоре он вырастет в большое дерево. И когда время придёт, у вас будут

большие цветы и прекрасное благоухание.

Это рассказ о санньясе. Это то, что я делаю здесь. Это то, что случается здесь.

2. Верь в Аллаха, но прежде привяжи своего верблюда

22 февраля 1978 г.

Первый вопрос:

Почему вы против аскетической практики? Разве она не имеет отношения к религии? Разве аскеза это не путь к Богу?

Как раз напротив: это дорога в сумасшедший дом. Это — патология. Это — порождение больного ума, это порождение насильственного ума. Обычно насилие направляется на других, но насилие может быть направлено и на себя. Когда насилие направлено на себя, оно опаснее, потому что нет никого, чтобы защитить вас.

Когда вы проявляете насилие по отношению к кому-нибудь другому, этот другой может защитить себя, бороться с вами. Когда насилие направлено на вас, оно абсолютно; нет никого, чтобы защитить вас.

Так, для меня Адольф Гитлер менее опасен, чем махатма Ганди. Адольф Гитлер менее насильственен, чем махатма Ганди. Может быть вам очень трудно понять это, но это происходило во все века: мазохисты объявляли себя религиозными. Религия — это не оправдание, чтобы быть мазохистом. Отнимите это оправдание, и мазохист налицо.

Если вы продолжаете думать, что тот, кто мучает себя, духовен, то вы поощряете его мазохизм. Он просто наслаждается, мучая себя. Есть радость, доставляемая самобичеванием: она заключается в чувстве силы. Мучая другого, тоже ощущаешь силу. Вот почему существует насилие. Люди просто продолжают насиловать друг друга; для них это — единственный способ почувствовать могущество. Они могут уничтожить другого; в этом их сила. Но есть различные виды насилия, когда вы начинаете уничтожать себя и тоже чувствуете себя могущественными.

Например, рассказывают историю об индийском святом — я в неё не верю, но это могло быть правдой — о том, как индийский мистик Сурдас проходил по улице и, увидев красивую женщину, забыл на мгновение, что он отрёкся от мира. Он забыл о своей святости, он забыл всё о религии, о дисциплине, о йоге. В тот момент его сердце горело жаркой страстью к этой женщине. Через минуту он опомнился. Он вернулся в келью и вырвал себе глаза, стал слепым, потому что писания говорят: если ваши глаза соблазняют вас, вырвите их. Должно быть, вырывая глаза, он чувствовал необычайное мужество: «Я могу сделать даже это». Его «я» должно было вкушать тончайшую пищу. Его «я» должно было стать ещё сильнее, чем прежде. Но не глаза соблазнили его, его соблазнила собственная способность быть бессознательным. Как могут соблазнить глаза? Глаза это просто окна в мир. Глядя из окна вашей комнаты, вы видите красивую женщину — вы же не уничтожаете окно? А уничтожив окно, вы ничего не достигнете: вы не станете духовнее, вы не станете менее похотливым, ваша страсть не исчезнет. Вы просто будете закрыты в вашем доме, а ваша страсть будет кипеть внутри вас. Глаза — окна.

Как раз на днях, дней семь тому назад, женщина в Америке отрубила одну из своих рук, потому что Библия говорит: «Если рука твоя соблазняет тебя, то лучше отсечь её и выбросить, чем попасть в ад и страдать целую вечность».

И таких людей, как Сурдас или эта женщина миллионы, — вы называете их религиозными?

Вы называете их духовными? Они патологичны.

Религиозный человек — это здоровый, целостный человек. Он принимает жизнь как она есть, и он принимает радости, которые приносит жизнь. Он танцует в танце, он поёт тысячу и одну песню. Его подход не является антагонистическим, антижизненным.

Аскетический подход — антижизненный. Он — самоубийственный. Вы можете совершать самоубийство очень медленно и постепенно; разница невелика. Один прыгает с обрыва и разбивается вдребезги; другой медленно уничтожает себя по частям, годами занимаясь этим самоуничтожением: это медленное отравление, но разница невелика. Человек, прыгающий с обрыва, смелее совершающего медленное самоубийство.

Но мы веками восхваляли этих безумных, мы поклонялись им. Из-за этого поклонения человечество осталось незрелым, человечество осталось ненормальным. Так называемые нормальные люди ненормальны, они только называются нормальными. Их много, но они — не норма. Им кое-как удаётся прожить свою жизнь. Тот, кто разрушает себя, безумен, и те, кто поклоняется ему как святому — безумны.

Я целиком против аскетической практики, потому что эта практика против жизни. Я целиком за жизнь. Я целиком за Бога. Бог это праздник. Взгляните вокруг... всё существование постоянно в ликовании, в непрерывном пении «аллилуйи». Всё поёт и танцует, любит и наслаждается. Если вы наблюдаете существование, вы поймёте, что такое быть религиозным: быть религиозным — это быть частью этого ликования.

Я слышал...

Последний Ага-хан III, лидер исмаилитской мусульманской секты, был равнодушен к удовольствиям трапезы. Когда посетитель спросил его, как он совмещает свою склонность к мирским удовольствиям со статусом религиозного лидера, Ага ответил: «Я не думаю, что Господь создал хорошие вещи этого мира только для удовольствия грешников».

Я совершенно согласен с этим. Это глупо, что, только грешники могут наслаждаться, а святые должны жить в тюрьмах, называемых монастырями. Они не могут есть, и даже если они едят, то им не позволено получать от этого удовольствие. Они не могут слушать красивую музыку, потому что она чувственна. Они не могут танцевать, потому что танец идёт от секса; павлин танцует, когда у него наступает брачный сезон. Они не могут петь, потому что песня — это выражение чувственности. Птицы поют; они не распевают Коран, Веды или Гиту. Это любовные призывы! Цветы цветут — они цветут не для того, чтобы их срывали и приносили в храм на какой-либо алтарь. Цветы — это выражение сексуальности растения. Если вы глубже всмотритесь — всё чувственно, жизнь чувственна, и всё коренится в сексе, потому что жизнь сама рождена в сексе.

Так называемый «духовный человек» начинает ликвидировать свою жизнь. Одно за другим всё исчезает. Он остаётся почти мёртвым. Он ведёт растительный образ жизни. Я не за такой способ существования.

Мои санньясины должны говорить «да», а не «нет». Мои санньясины должны утверждать жизнь во всей её целостности, во всей её многомерности, во всех её возможностях, во всём её богатстве и разнообразии. Мой санньясин должен быть укоренён в существовании. И мой санньясин должен жить во всех планах жизни — от секса до *самадхи*. Если что-то исчезнет само по себе, это другое дело, но это не аскетизм. Я знаю, наступает момент, когда ваша энергия

начинает двигаться в более высокие планы существования: секс исчезает, потому что он больше не нужен. Он не нужен потому, что вы наслаждаетесь той же энергией на более высоких планах — не потому, что он плох, не потому, что он некрасив. Он не нужен, потому что та же энергия имеет более высокие оргазмы. *Самадхи* — это предельный оргазм, секс лишь жалкий намек на это.

Секс это моментальное *самадхи*. *Самадхи* — это вечный оргазм.

Естественно, когда вы достигаете *самадхи*, секс исчезает, но вам не нужно отказываться от него. Если вы отказываетесь от него, тогда вы делаете что-то не то. Вы идёте вглубь и ввысь, и то, что должно исчезнуть — исчезнет. В конце концов всё исчезнет. Останется только Бог, останется чистая радость, только беспричинная радость останется; но это не означает, что вы отказываетесь от чего-либо. Если вы отказались, вы никогда не достигните этого состояния.

Я слышал...

Жил один юноша, подвергавший себя всё более и более суровой аскезе, потому что он верил, что ничто истинно ценное не приобретается легко. Наконец, он нашёл древний монастырь в Гималаях, где монахи подвизались в самом суровом подвижничестве, бедности и посте. Монастырь был на вершине устрашающе величественной горы, и монахам приходилось взбираться и спускаться по железным цепям, вбитым в склоны. Никакое тепло не разрешалось в монастыре, и монахи спали на холодном каменном полу. Для поддержания жизни они каждый день спускали цепи, чтобы поискать в мерзлой земле жалкие лишайники. Остаток времени они медитировали, пели псалмы и молились. Такой устав понравился юноше, и он добился разрешения остаться в этом монастыре.

Форма медитации монахов заключалась в размышлениях над различными загадками, и вскоре после прибытия молодого человека настоятель задал следующий вопрос: «Насколько высоким является верх?» Затем он велел юноше медитировать в течение месяца и возвратиться с ответом. Но думать о чём-либо было трудно, юноша постоянно дрожал от холода. Однако он принял вызов. Через месяц он был уверен в ответе.

Снова настоятель спросил: «Насколько высоким является верх?» И юноша ответил: «Таким высоким, каким только человеческий ум может вообразить». Но настоятель презрительно взглянул на него и сказал: «Медитируй ещё месяц». И юноша продолжал медитировать.

Через месяц его ответ настоятелю был таков: «Верх является таким высоким, как Господь того пожелает». Опять он был отвергнут и возобновил медитацию. Ещё через месяц он на тот же вопрос не ответил ни слова, но поднял закованный палец и указал наверх. И снова был отослан. С каждым месяцем в нём росло убеждение, что никакой ответ не удовлетворит настоятеля, и его отчаяние росло. В следующий раз, когда он увидел настоятеля, и был задан вопрос, в его голосе был сдвленный гнев: «Это нелепость! Ответа нет!» Опять он был отослан с ещё большим презрением, потому что настоятель знал, что юноша был близок к истине.

Уходя от настоятеля, юноша поклялся сделать последнюю попытку найти ответ. Он перестал есть даже ничтожные лишайники и бодрствовал на крыше монастыря. Когда долгий месяц, наконец, кончился, монахи сняли его с крыши и попытались отогреть, чтобы он мог поговорить с настоятелем. Тогда снова прозвучал вопрос: «Как высоко высокое?»

Секунду, казалось, юноша был в недоумении, затем он неожиданно вскрикнул и, прежде, чем кто-либо смог остановить его, прыжком пересёк комнату и ударил настоятеля так сильно, что тот повалился на пол. Монахи кинулись на помощь настоятелю и подняли его. Как только тот пришёл в себя, он улыбнулся и сказал юноше: «Решение найдено!»

Тогда юноша тут же собрал своё небогатое имущество и ушёл из монастыря. К тому времени, когда он вернулся домой, он был преисполнен счастья: он нашёл истину и достиг просветления.

Или, может быть, он просто согрелся, и от этого ему стало так хорошо.

Аскетическая практика даёт вам некую болезненную радость. Чем больше вы погружаетесь в эту практику, тем больше чувствуете себя победителем, вы побеждаете нечто. Чем больше тело говорит: «Не разрушай меня!», тем непреклоннее становитесь вы. Вы создаёте трещину внутри себя, между вами и вашим телом, и начинается великая битва.

А тело является естественным. Тело просит то, что является здоровым и естественным, что Бог уготовил ему. У тела нет неестественных желаний; все его нужды — естественные, здоровые нужды. И чем больше вы истязаете тело, тем больше оно молит, просит и преследует вас. Но вы можете принять вызов: можно думать, что тело пытается соблазнить вас, что оно в руках врага, в руках дьявола. Вы можете продолжать сражаться с телом со всё большей силой, всё большим неистовством, агрессией. Вы продолжаете сражаться с телом и наступает момент, когда вы можете сделать тело вялым.

Если вы упорно поститесь в течение длительного времени, тело постепенно становится вялым. Оно начинает покоряться, приспосабливаться. Некому позаботиться о нём — какая польза взывать? Тело немеет. Вы теряете чувствительность, становитесь толстым. Вы обрастаете толстой кожей вокруг себя: тогда вас не беспокоит ни жара, ни холод, тогда вас не беспокоит голод. Вы даже чувствуете удовлетворение внутри — вы побеждаете. Но вы не побеждаете, вы отрываетесь от основания. Каждый момент вы отрываетесь от почвы, потому что истина познаётся только через тело! Истина познаётся сознанием, но познаётся посредством тела. Необходимо оставить свои корни в теле.

Сам Бог имеет свои корни в мире. Выньте дерево из почвы, и оно погибнет. Жизнь дерева связана с жизнью земли: оно нуждается в воде, удобрении, нуждается в питании, солнце, воздухе, ветре. Это естественные нужды, благодаря им дерево существует. Выньте дерево из почвы — в течение нескольких дней может быть не будет заметно, что дерево умирает, вода, оставшаяся в нём, может поддержать некоторое время его зелень, даже несколько почек может раскрыться, несколько цветков расцвести, но недолго — рано или поздно резервы дерева кончатся и оно умрёт.

Оторвите себя от тела, и вы умрёте. Ваше тело — это ваша почва. Ваше тело принадлежит земле, оно произошло от земли, оно — маленькая земля вокруг вас. Оно питает вас, оно не враг вам. Оно не пребывает в руках дьявола. Дьявола нет, он — порождение патологического ума, дьявол — порождение параноидального ума. Его привёл в мир страх. Но ваш так называемый Бог тоже порождён страхом; и ваш Бог и ваш дьявол оба порождены страхом. Вы не знаете истинного Бога. Истинный Бог — не от страха. Он есть любовь, радость. Истинного Бога можно познать, становясь всё более и более чувствительным, более и более открытым.

Будьте в своём теле. Уйдите из вашего ума и войдите в ваши чувства: это единственный способ быть религиозным. Это кажется парадоксальным, но позвольте мне сказать: единственный способ быть религиозным — это быть в мире и глубоко в мире, потому что Бог

спрятан в мире. «Иного мира» не существует. Иной мир — это глубочайшая сердцевина этого мира, она не отделена от него.

Я против всякой аскетической практики. И в будущем аскетов будут лечить в психиатрических больницах. Из ста так называемых святых девяносто девять были невротиками, но из-за вашей веры вы не смогли этого понять. Когда вы верите во что-то, вера создаёт явление.

Если вы отбрасываете все виды верований и начинаете ясно видеть, вы будете удивлены: человек страдал не из-за атеистов; человек страдал из-за так называемой религиозности. Величайшее человеческое несчастье произошло из-за разделения тела и души. Человек стал шизофреником из-за ваших святых, ваших церквей, ваших писаний. Я не говорю, что не было настоящих святых, они были: Иисус или Диоген, Будда и Кришна, Заратустра и Лао-цзы — эти люди любили жизнь. А традиция, говорящая другое, порождена патологией.

Сейчас христиане говорят, что Иисус никогда не смеялся. Это — чушь. Эта чушь навязывается христианами Иисусу. Они нарисовали Иисуса с печальным, удлинённым лицом. Иисус в церквях — это фальшивый Иисус. Церкви создали собственного Иисуса. Реальный Иисус, подлинный Иисус любил смех, он был человеком праздника. Иначе и быть не может.

Мой завет вам: наслаждайтесь жизнью с наибольшей полнотой и вы будете подходить всё ближе и ближе к Божественному, вы будете подходить ближе к дому.

Второй вопрос:

Вы говорили сегодня о необходимости иметь прозрачный ум с тем, чтобы яснее видеть и, тем самым, уничтожить необходимость выбора. Не являются ли желания, исходящие только из эго, единственной причиной загрязнения ума? Ведь без желаний нет нужды выбирать. Тогда всё просто случается.

Проблема тогда возвращается к уничтожению эго и желаний. Этот порочный круг может быть разрушен двумя путями:

а) посредством постепенного процесса изживания эго и желаний в течение многих жизней или

б) посредством выхода из порочного круга с помощью прыжка в неизвестное.

Второй путь кажется более предпочтительным, но откуда приходит побуждение выйти из круга? Действие мотивируется обычно каким-либо желанием.

Можно позволить всему случаться или можно действовать, что снова означает выбор.

Во-первых, не существует двух путей выхода за пределы желающего ума, существует только один путь. Если бы путей было два, опять бы возник выбор. Существует только один.

Первое, говорите вы: «Посредством постепенного процесса изживания эго и желаний в течение многих жизней...»

Это порождено замутненностью вашего ума. Первое сотворено вашим умом, потому что ум всегда хочет отложить на потом. Он всегда говорит «завтра», «в следующей жизни». Он творит время. Время — это творение ума, потому что ум не может жить без времени. Ум не может

существовать в «здесь и сейчас». Ум может существовать только в будущем или прошлом; он проецирует. Так, ум говорит: «Это очень сложная проблема. Вы можете решить её только постепенно, желание за желанием. Необходимо измениться, практиковать. Вам придётся применить тысячу и один метод, следовать разными путями. Наконец, где-то в отдалённом будущем вы станете просветлённым. Вы оставите всё желания».

Но во всех этих жизнях, в которых вы будете практиковать это, вы будете делать это из побуждения, побуждения стать просветлённым. Все ваши методы, все ваши упражнения будут корениться в побуждении к просветлению. Поэтому в течение всех этих жизней вы будете вскармливать ваше желание стать просветлённым, оно будет становиться сильнее и сильнее. Вы не сможете выбраться из этого, вы будете помогать укорениться вашему побуждению. Завтра оно станет сильнее, послезавтра ещё сильнее, и так далее, — потому что каждый день вы будете носить это побуждение в вашем уме, вы будете давать ему энергию, будете вливать свои жизненные соки в него. И если вы не станете просветлённым сейчас, то завтра это будет немного труднее, а послезавтра — ещё труднее. А после этого уже никто не знает... это может случиться, а может и не случиться никогда. Сейчас или никогда!

Так что первая альтернатива на самом деле не существует; это просто стратегия ума.

Второй путь: «Посредством выхода из порочного круга с помощью прыжка в неизвестное. Второй путь кажется предпочтительнее».

Нет никакого другого пути! Это не предпочтительный, это — единственно существующий путь. Это не вопрос выбора. В жизни выбора нет, в этом жизнь просто бескомпромиссна. В жизни нет двух дверей, есть только одна дверь. Вот почему Иисус говорит: «Путь прямой, но узкий». Он очень узкий. Нет большой возможности выбрать, на самом деле нет *никакой* возможности выбирать.

Проблема заключается в следующем: как осуществить второй путь, который и есть единственный? Как осуществить его? — потому что снова возникает вопрос: откуда взять побуждение?

А не случилось ли с вами так, что вы действовали без побуждения? Позже вы могли всё обдумать, снова рассмотреть ситуацию и решить, что побуждение было, но в реальном процессе его не было.

Например, вы идёте по тропинке и видите ползущую змею. Нет времени на размышление. Побуждение требует времени, Нужно войти в силлогизм: вы должны увидеть змею, ядовитая ли она или нет, опасная или нет, вы должны вспомнить о других случаях со змеями, о мнениях других людей по поводу змей. Вы должны будете размышлять. Затем вы испугаетесь и появится побуждение: как защитить себя, как отпрыгнуть, что делать? — но так не бывает. Столкнувшись со змеей, вы просто прыгаете в сторону. Прыжок происходит сразу; без мотивации, действие целостно. Вы и есть действие! Нет такого, что существует действующий и Действие и между ними ум, думающий и размышляющий, что делать. Вы просто действуете.

Ваш дом горит: вы выскакиваете, вы не размышляете над этим. Никаких раздумий. В момент не-мыслия возникает действие: действие не имеет мотива, хотя, если вы позже оцените ситуацию, то найдёте его. Этот мотив создан умом. Уму не понять что-нибудь без мотива, ум сам есть мотив. Даже там, где нет мотива, ум его навязывает. Позже, расслабившись, сидя под деревом, вы будете думать: «Побудительным мотивом был страх. Я испугался смерти и поэтому прыгнул». Но это неверно, абсолютно неверно. Не было смерти, не было страха. Вы

просто действовали. Действие пришло от интуиции, а не от мысли и интеллекта. Дом был в огне? — вы просто выскочили. Это было естественное явление, это было то, что случается.

Люди, бывало, приходили к Будде снова и снова и говорили ему: «Да, всё, что вы говорите, верно, кажется верным, кажется рациональным и логичным. Нам бы тоже хотелось выбраться из этого колеса жизни и смерти, но вы тут же лишаете нас малейшей возможности. Вы говорите: „Просто прыгайте без всякого мотива, потому что если у вас есть какой-либо мотив, вы останетесь в порочном круге жизни и смерти. Ведь все мотивы — это спицы того же колеса, они привязывают вас к нему. Если у вас есть какой-либо мотив, какое-либо желание, какая-либо цель, какое-либо будущее — вы будете вновь и вновь вращаться в том же кругу. Просто выйдите из него без всякой мысли.“

Ещё люди говорили: «Мы понимаем. Это выглядит логичным: мир есть не что иное, как проекция наших желаний, поэтому, если у нас есть желание — даже выйти из мира, — оно сотворит новый мир и так до бесконечности, один за другим. Так можно продолжать и продолжать. Тогда, как же выбраться?»

И Будда отвечал: «Вы должны понять лишь то, что жизнь не имеет смысла. Пусть вам будет ясно, что жизнь иллюзорна, что в ней только страдание и боль и ничего более, агония и ничего более».

Осознайте, что дом горит, и тогда не останется никаких «как». Человек, чей дом охвачен пламенем, не берётся за учебник «Как выбраться из горящего дома», он просто находит путь. Он выпрыгивает из окна, выбегает через запасной выход. Он не беспокоится об окнах и дверях, об этикете и манерах; вся эта роскошь невозможна в такой момент. Такую роскошь можно позволить себе только тогда, когда пожара нет, а вы размышляете на досуге: «Если бы дом был в огне, откуда бы я выскочил?» Но главное тут «если»: потому-то у вас и есть возможность поразмышлять.

Под «ясностью ума» я подразумеваю просто видение факта таким, каков он есть. Если он является ложным, он отпадает от вас сам собой; чтобы отбросить его, мотивов не понадобится. Никто ничего не отбрасывает, потому что отбрасывая, вы притягиваете это ещё ближе. Вы не можете ни от чего отказаться. В самом отказе есть привязанность.

Вы думаете: «Моя жизнь в семье с женой и детьми — это привязанность. Она не позволяет мне медитировать. Она не оставляет мне времени и пространства для поиска Бога. Я должен идти в Гималаи, я должен оставить эту семью». Можно покинуть семью, отречься от неё, сбежать в Гималаи, но сидя в Гималайских пещерах, вы будете думать о своей жене и о детях, а Бог будет так же далёк, как и прежде, — даже ещё дальше. Живя с женой и детьми, вам не приходится о них много думать. Они тут, чего о них думать? Когда же их нет, вы будете думать о них постоянно. Тогда все радости семейной жизни... смех и беготня вашего ребёнка в саду.. ваше времяпрепровождение с женой, вся эта ностальгия нахлынут тысячами путей, в гораздо более красивых формах, более ярких, более манящих.

Что же вы ещё будете делать, сидя в своей пещере? Будете думать о доме, о его тепле и уюте. Пещера будет отбрасывать вас к дому снова и снова. Холод пещеры будет напоминать вам о тепле вашей жены, её тёплом теле. Нет никого, чтобы присмотреть за вами, чтобы позаботиться о вас... и вам будет приходить на ум всё время одна и та же мысль: «Что ты с собой сделал? Как ты мог оставить детей сиротами?» Это будет мучить, это будет мучить ваше существо, это будет причинять боль. Это станет раной. Вы не сможете забыть, вы не сможете простить себя.

Это нелепый путь. Никто ни от чего не отрекается, никто ничего не оставляет. Тот, кто понимает, обнаруживает, что кое-что исчезает. Исчезновение — в самом понимании. Я знаю, что, если вы живёте в своём доме с женой и детьми, то наступит момент, когда вы больше не

муж, а она больше не жена. На самом деле, когда придёт этот момент, и вы больше не муж, а она больше не жена, любовь расцветёт во всём своём великолепии.

Быть мужем — безобразно, быть женой — безобразно; это нечто установленное, узаконенное. Это — род сделки. Супружество — безобразно. Наступает момент понимания, когда супружество просто исчезает. И вы узнаете, что вы не можете стать хозяином женщины. Сама идея насильственна, сама идея эгоистична. Как можно обладать женщиной? Как вы можете превратить прекрасную женщину в безобразную жену? Теперь она становится снова свободной, она больше не в клетке, называемой замужеством; вы становитесь снова свободным, вы больше не муж — вы оба начинаете парить в небе, свободные. Вы больше не в клетке. Супружество исчезло, небо любви открыто.

Вот путь избавления от привязанностей: не в отречении от тех, кого любишь, но в отрешении от всего того безобразия, что вы собрали вокруг них. А это отречение приходит из прозрачной ясности.

Как вы можете говорить: «Это мой ребёнок». Все дети — дети Божьи. Если вы в своём уме, как вы можете заявлять: «Этот ребёнок принадлежит мне?» Он появился через вас, это верно, вы были «проходом» для него, но вы не можете владеть им, не можете обладать им. Вы можете любить его, вы можете праздновать его приход к вам, но ни в коем случае вы не можете обладать какой-либо властью над этим ребёнком. Понимание меняет ситуацию.

Просто попытайтесь понять, как вы живёте, что есть ваша жизнь. Вглядитесь в неё глубже, наблюдайте её глубже. Не спешите что-то менять. Никогда не спешите менять, просто пусть ваше проникновение станет глубоким. Видение ложности вещей делает вас свободными. А знать ложное как ложное — это видеть истинное как истину. Когда вы видите ложное как ложное, ваши глаза начинают двигаться к истинному.

Вот что я имею в виду, когда говорю, что просветление приходит с отсутствием выбора. Оно не мотивировано. Оно приходит, когда познается тщета всякой мотивации.

Третий вопрос:

Что мешает мне сказать жизни «да» и полностью отдаться ей, и всегда ли правильно — говорить «да»?

Трудно говорить жизни «да», потому что вас учили говорить «нет». И такое обучение очень древнее. И не только это обучение мешает вам говорить «да», в вас есть ещё некий внутренний механизм, не позволяющий вам говорить «да».

Когда ребёнок рождается, он всегда говорит «да». Постепенно, по мере того, как он начинает чувствовать себя отдельной личностью, в нём возникает «нет». Когда ребёнок начинает говорить «нет», можно быть уверенным, что для него наступил момент рождения его эго. Эго может существовать только отрицая, поэтому каждому ребёнку приходится говорить «нет». Это внутренняя необходимость при становлении личности. Если ребёнок будет продолжать говорить «да» всему, он никогда не станет личностью, у него не будет никакого определения для своего существа. Как он сможет определить себя? «Да» не даёт вам никакого определения, «нет» даёт вам определение. Когда вы говорите «нет», вы знаете, что это «я» говорит нет. Когда вы говорите «да», в этом нет никакого «я».

Говоря «да», вы остаетесь с жизнью единым целым. Говоря «нет», вы отделяете себя, вы утверждаетесь. В этом смысл библейской истории о том, как Адам перестал подчиняться Богу,

как Адам сказал «нет». Это *должно* было случиться, иначе Адам никогда бы не отделился от Бога. Он никогда бы не обрёл индивидуальности, он остался бы расплывчатым как облако или туманность. Он должен был сказать «нет», должен был выйти из подчинения, взбунтоваться. И помните, это не есть что-то, случившееся в прошлом и случившееся только раз; это случается с каждым новым Адамом, с каждым родившимся ребёнком. Каждый ребёнок живёт в Эдемском саду несколько месяцев, несколько лет, а затем, постепенно, ему приходится отрицать, ему приходится бунтовать, ему приходится перестать подчиняться. Отец говорит: «Не делай этого», а ребёнок делает, просто чтобы сказать: «Я сам по себе. Ты не можешь мне больше приказывать. Я — не раб. У меня свои предпочтения, у меня есть свои „нравится“ и „не нравится“». Иногда ребёнок делает даже то, что не хочет, но он вынужден это делать, потому что отец говорит: „Не делай“.

Дети начинают курить сигареты: в первый раз ни одному ребёнку это не нравится. На глазах выступают слёзы, ребёнок начинает кашлять, в горле першит, на сердце неприятно, — но он должен сделать это, поскольку отец говорит: «Не кури!» Он должен идти против отца; это — единственный способ иметь отдельное существование. Он должен идти против матери, против Учителя. Для каждого ребёнка наступает пора сказать «нет». И это — в порядке вещей. Я не против этого, иначе больше не было бы индивидуальностей. Но затем вы привыкаете говорить «нет».

Есть время, есть пора говорить «нет», и есть время оставить ненужные «нет». В противном случае вы никогда не достигнете единства с божественным. Поймите суть этого: «нет» помогает вам отделиться от вашего отца, от вашей матери, от вашей семьи, от вашего общества. Это хорошо. Это в порядке вещей, но затем однажды вы должны научиться говорить «да» Богу, существованию. Иначе вы всегда останетесь отделённым, а отделение приносит страдание, разделённость творит род борьбы в жизни. Жизнь становится войной. А жизнь не должна быть войной, она должна быть тихой радостью.

Поэтому однажды нужно сказать «да».

Вы спрашиваете меня, что мешает вам говорить «да»?

Вы боитесь потерять своё эго. *Вы* стоите на пути, ваше эго стоит на пути. Это хорошо, что оно помогло вам избавиться от прошлого наследия, истории, ваших родителей, вашей семьи, вашей церкви. Это хорошо. Его работа закончена; вы уже не ребёнок! Перестаньте бороться. Не тащите за собой старую привычку говорить «нет», иначе вы останетесь ребёнком.

Видите, какой парадокс: если ребёнок никогда не скажет «нет», он никогда не вырастет, но если взрослый человек продолжает говорить «нет», он остаётся ребёнком. Однажды вам нужно сказать «нет» всем вашим сердцем, и точно так же однажды вам нужно отбросить это «нет». И вы спрашиваете, всегда ли верно говорить «да»?

Нет, не всегда. «Нет» имеет свою область применения. Не нужно лишь слишком увлекаться им и это всё. «Нет» не плохо само по себе. Существуют моменты, когда вам нужно сказать «нет», существуют моменты, когда вам нужно сказать «да». Вам следует быть свободным в обращении с «да» и «нет»; вот, что я говорил вам. Не нужно быть привязанным ни к тому, ни к другому. Свободный человек — это тот, кто вглядывается в каждую ситуацию и говорит «да» или «нет», какой бы ответ ни был, каковы бы ни были его чувства в этот момент. Это «да» или «нет» не приходит из прошлого, не приходит из памяти. Это не реакция, это ответ.

Один человек, сидя в лодке на реке Потомак, кричал: «Нет! Нет! Нет!»

Другой, видевший это, спросил: «Почему этот человек говорит „Нет! Нет! Нет!“? Ведь там никого нет, он один в лодке. И он не просто говорит, он кричит во всю глотку: „Нет! Нет! Нет!“ Наблюдатель был естественно озадачен.

«Ничего удивительного, — сказал проходивший полисмен озадаченному человеку, — он

просто из тех, кто в Белом Доме постоянно говорит „да“, у него сейчас отпуск».

Нужно равновесие. Если вы будете всё время говорить «да», вы станете однобокими и вам понадобятся каникулы, вам нужно будет поехать на лодке одному и кричать «Нет! Нет! Нет!» Тогда вам станет хорошо. «Да» и «нет» подобны вздоху и выдоху, тут нечего выбирать. Вам нужно вдыхать и вам нужно выдыхать, и то и другое необходимо.

Ваш дом горит, и вы выскакиваете: это «нет». Вы говорите огню: «Я выхожу».

Змея пересекает вашу тропинку и вы отскакиваете; вы говорите «нет». Вы можете не произносить слово «нет», но есть тысяча жестов, обозначающих то же самое.

Человек должен быть свободен в выборе ответа «да» или «нет». Если вы одержимы «да», вы не будете иметь никакой индивидуальности. Если вы одержимы «нет», у вас будет только безобразное эго. Человек, владеющий балансом «да» и «нет» — здоровый и целостный. И говорить «да» — это *всегда* хорошо; такого не может быть. Ничто не есть *всегда* хорошо, и ничто не есть *всегда* плохо. Но вас без конца учат застылым идеям: это плохо, а это — хорошо. Хорошее и плохое изменяют свои свойства; они изменяются в зависимости от обстоятельств. Никакое действие само по себе не хорошо, или может быть хорошо, иди плохо, или может быть плохо. Каждая ситуация нова, её нельзя оценить заранее. Никогда не привносите застылых идей, они навязчивы. Оставайтесь свободным для действия.

Религиозный человек тот, кто отвечает, кто свободен действовать в любой ситуации, чьи реакции не фиксированы, не механистичны.

Двое пошли в горы. Один из них сказал: «Я опытнее тебя. Я пойду вперёд и покажу тебе, как это делается». Он пошёл вперёд и провалился в большую глубокую двухсотпятидесятифутовую трещину. Его товарищ прокричал ему:

— Ну как, всё в порядке?

— Нет, я сломал обе руки.

— Ну, вылезай с помощью ног.

— Я и обе ноги сломал.

— Ну, вылезай с помощью зубов.

И вот он стал лезть с помощью зубов, на это ушла уйма времени. Он уже был у самого верха, когда товарищ спросил его:

— Ну как, всё в порядке?

— Да-а-а, — донёсся ответ, и он снова полетел вниз.

Так что ответ «да» не всегда подходит.

Пятый вопрос:

Верь в Аллаха, но прежде привяжи своего верблюда», — мне правятся это суфийское изречение, но я не понимаю, кто такой или что такое «верблюд»?

Под верблюдом может пониматься разное. Верблюд — это не нечто конкретное, он является в разных формах и размерах. Верблюд — это лишь символ. Это изречение означает: не будьте пассивными. У Бога нет рук, кроме ваших. Верь в Аллаха, верь в Бога, но это не должно

быть основанием для лени.

В мире существует три типа людей. Один думает, что он должен обо всём позаботиться; он — человек действия. Он не верит в целое, в единое, он обходит его. Он живёт, исходя из своей маленькой силы, и, естественно, терпит поражение за поражением вновь и вновь. Если вы живёте, противопоставляя свою очень маленькую энергию океану энергии, окружающему вас, то вы обречены оставаться неудачником. Вы будете страдать и мучиться. Вся ваша жизнь пройдёт в непрерывном страдании.

Второй тип — это тот, кто думает: «Если Бог делает всё, то мне не нужно делать ничего. Не предполагается, чтобы я делал что-нибудь». Такой человек просто сидит и ждёт. Его жизнь становится всё более и более инертной. Он больше не живёт, он существует как растение.

Эти два типа являют собой Восток и Запад. Запад являет деятеля, активный тип; Восток — пассивный тип, бездеятельный.

Запад сводит себя с ума. Проблема Запада в избытке действия. У Запада нет веры, он рассчитывает только на себя. «Я должен сам всё обеспечить. Я один. Существование не думает обо мне». Естественно, это порождает озабоченность. И эта озабоченность становится невыносимой. Она порождает все виды неврозов, психозов, она взвинчивает, делает человека напряжённым, нервным. Это убийственно, это сводит с ума. Запад преуспел во многом, он преуспел в атеизме, он преуспел в отбрасывании всех видов доверия и смирения, он отбросил все виды естественных состояний. Вот почему на Западе людям всё труднее заснуть: ведь это тоже требует доверия.

Я знавал человека, который не мог спать ночью; он должен был бодрствовать ночью. Спал он днём, но он должен был бодрствовать ночью. Его жена говорила мне: «Сделайте что-нибудь, потому что это создаёт множество проблем. Он не может работать, потому что спит днём, а всю ночь бодрствует и нам приходится бодрствовать, поэтому он сводит меня с ума!»

Мне стало интересно, в чём же тут дело. Этот человек был очень недоверчив. Он сказал мне: «Я не могу спать ночью: ведь остальные тоже спят. Если что-нибудь случится со мной, кто мне поможет? Я сплю днём, потому что в это время не спят дети, жена не спит; не спят соседи, весь мир не спит. Если со мной что-нибудь случится, есть кому помочь. А если ночью я умру..? А если ночью прекратится дыхание..?» Он был сумасшедший.

Но именно это порождает бессонницу на Западе. Люди не могут заснуть, они боятся, что с их телом что-нибудь может случиться. Ничего не случается с их телами. Их тела так же здоровы, как всегда, — на самом деле, более здоровы, чем всегда. Но в их уме что-то прочно засело: что они должны делать всё. А сон не может быть делом, он не относится к «деланию». Сон надо позволить. Вы не можете делать его, сон — не действие; сон приходит, он случается. Запад совершенно забыл, как позволять вещам случаться, как быть в состоянии «пусть идёт», поэтому и сон стал проблемой. Любовь стала проблемой. Оргазм стал проблемой. Жизнь такая напряжённая, что кажется, нет надежды, и человек спрашивает снова и снова: «Для чего жить? Зачем продолжать жить?» Запад на грани самоубийства. И этот момент самоубийства всё ближе и ближе.

Восток слишком преуспел в расслаблении, в пребывании в состоянии «пусть идёт». Он очень обленился. Люди умирают, голодают — и они довольны, их это не тревожит, они доверяют Богу. Они приспособляются ко всяким безобразным ситуациям. Они никогда ничего не меняют. Они хорошо спят, у них есть покой, но это — почти растительная жизнь. Каждый год на Востоке миллионы людей умирают только от голода. И они ничего не делают, никого *это* не волнует. «Такова воля Аллаха!»

Суфии стремятся создать третий тип человека, настоящего человека: который знает, как делать, и который знает, как не делать; который, когда нужно, умеет делать, умеет говорить

«Да!», и который, когда нужно, умеет быть пассивным и умеет говорить «Нет!»; который вполне бодрствует днём и вполне спит ночью; который знает как вдохнуть и как выдохнуть, который понимает равновесие жизни.

Верь в Аллаха, но прежде привяжи своего верблюда.

Это изречение из одной небольшой притчи.

Учитель путешествовал с одним из своих учеников. Ученик имел поручение смотреть за верблюдом. Как-то ночью, усталые, они подошли к караван-сараяу. Привязывать верблюда было обязанностью ученика; но на сей раз он не побеспокоился об этом, он оставил верблюда непривязанным. Вместо этого он помолился. Он сказал Богу: «Позаботься о верблюде» — и заснул.

Утром верблюда не было — может быть украли, может быть сам ушёл, или что-нибудь ещё случилось. Учитель спросил: «Что случилось с верблюдом. Где верблюд?»

Ученик ответил: «Не знаю. Спросите у Бога, поскольку я попросил Аллаха позаботиться о верблюде, и я был таким усталым, поэтому я не знаю. И я не виноват, я ведь сказал Аллаху, и достаточно ясно! Честное слово. И даже не один раз, — трижды. А вы учите: „Верь в Аллаха“, — вот я и доверился. Не смотрите на меня так сердито».

Учитель сказал: «Верь в Аллаха, но прежде привяжи своего верблюда, — поскольку у Аллаха нет других рук, кроме твоих».

Если Он захочет привязать верблюда, Он будет вынужден использовать чьи-то руки; у Него нет других рук. И это ваш верблюд! Лучший способ, простейший и кратчайший, самый короткий, — использовать ваши руки. Верьте в Аллаха. Не полагайтесь только на свои руки, иначе вы станете напряжёнными. Привяжите верблюда, а затем доверьтесь Аллаху. Вы же спросите: «Зачем доверяться тогда Аллаху: верблюд-то уже привязан?» Да затем, что и привязанного верблюда тоже можно украсть. Ваше дело сделать то, что можно: это не сделает результат определённым, не даст гарантии. Поэтому делай то, что ты можешь, а там, что бы ни случилось, прими это. В этом значение привязывания верблюда: делай всё, что можешь, не уходи от ответственности, а затем, если ничего не случится, или что-то пойдёт не так, доверься Аллаху. Он знает лучше. Может быть, нам лучше путешествовать без верблюда. Легко верить в Аллаха и быть ленивым. Легко не верить в Аллаха и действовать. Третье — трудно: верить в Аллаха и всё же оставаться деятельным. Но здесь вы только инструмент; действует Бог — вы просто орудие в его руках.

Вы спрашиваете: «Мне нравится это суфийское изречение, но я не понимаю, что такое верблюд».

Это зависит от контекста. Ситуация может напоминать притчу о верблюде, но контекст будет различным. Каждый день так случается: вы могли что-то сделать, но не сделали и оправдываетесь, что если бы Бог захотел, это было бы сделано. Он сделал бы это в любом

случае. Вы делаете что-то и ждёте результата, вы ждёте, но результата нет. Тогда вы сердитесь, будто вас обманули, как будто Бог вас подвел, как будто Он против вас, пристрастен, несправедлив. И в вашем уме возникает жалоба. Тогда вера пропадает.

Религиозный человек это тот, кто делает то, что в его силах, но не создаёт из этого напряжённости. Мы ведь все очень маленькие атомы в этой Вселенной, всё является очень сложным. Нет ничего, что зависело только бы от моего действия; есть тысяча сплетающихся энергий. Результат зависит от суммы этих энергий. Как я могу определить дальнейшее? Но если я ничего не делаю, всё может пойти иначе. Я должен делать и ещё я должен научиться ничего не ждать. Тогда действие есть род молитвы, без желания того, что должен быть какой-то определённый результат. Тогда нет отчаяния. Вера поможет вам избежать отчаяния, а привязывание верблюда поможет вам остаться живым, активно живым. Верблюд не является чем-то фиксированным; это — не название чего-то определённого. Всё зависит от контекста. Город был взбудоражен. Один из обитателей местного сумасшедшего дома сбежал и изнасиловал двух женщин. Все были в ужасе.

Ближе к вечеру в местной газете появилось описание этого происшествия под заголовком «NUT BOLTS AND SCREWS (болты с гайками и винты)».

Если вы прочтёте только заголовок, вы никогда не узнаете значения этого — «nut bolts and screws». Вам придётся читать всю статью; смысл зависит от контекста.

К сожалению, жизни большинства людей отражаются в следующем разговоре между двумя деловыми людьми:

«Это замечательно! Вы вышли на рынок всего шесть месяцев назад, и у вас уже миллион долларов. Как вы этого добились?»

«Ну, — был ответ, — это очень просто. Я начал с двух миллионов».

Верблюд не является чем-то определённым. Всё надо видеть в контексте; он будет изменяться. Но это изречение имеет большую ценность: оно является суфийским подходом к созданию третьего человека.

Шестой вопрос:

Что такое закон кармы?

На самом деле это не закон, поскольку за ним нет никакого законодателя. Напротив, это присуще самому существованию. Это сама природа жизни: что посеешь, то и пожнешь. Но это сложно, это не так просто, это не так очевидно.

Чтобы уяснить, попытайтесь понять это с помощью психологии, поскольку современный ум может понимать, только если что-то объясняется психологически. В прошлом, когда обсуждали закон кармы, — когда о нём говорил Будда и когда о нём говорил Махавира, — они использовали психологические, физические аналогии. Человек далеко ушёл с того времени, человек далеко продвинулся с того времени. Теперь мир человека стал психологичнее, так что это будет полезным.

Каждое преступление против своей природы, каждое преступление без исключения записывается в нашем подсознании, — в том, что буддисты называют *алайявигыяна*, хранилище сознания, — *каждое* преступление.

А что такое преступление? Это не *то*, что считал преступлением суд Ману, поскольку этот суд теперь неуместен; это не *то*, что считается преступлением согласно десяти заповедям, они

тоже уже неуместны; и не то, что считают преступлением некоторые правительства — всё это очень изменчиво. То, что считается преступлением в России, не считается таковым в Америке. То, что считается преступлением в индийской традиции, не является преступлением для мусульман. Тогда, что такое преступление? Должно же для него быть универсальное определение.

Моё определение таково: то, что идёт против вашей природы, то что идёт против вашего собственного «я», вашего существа, является преступлением. А как узнать, что это преступление? Когда вы совершаете преступление, оно записывается в вашем подсознании. Оно записывается определённым образом: оно записывается и начинает давать вам чувство вины. Вы начинаете испытывать презрение к самому себе, вы начинаете чувствовать себя недостойным, вы начинаете себя чувствовать таким, каким вы не должны быть. Что-то внутри вас затвердевает, что-то внутри вас закрывается. Вы больше не такой текущий, как раньше. Что-то остыло, затвердело; это ранит и приносит ощущение недостойности.

Кэрен Хорни хорошо описала это бессознательное восприятие и запоминание. Она говорит: «Это регистрируется». Мне нравится это... это регистрируется. Всё, что вы делаете, автоматически регистрируется. Если вы любили, то регистрируется, что вы любили; это даёт вам чувство достоинства. Если вы ненавидели, сердились, были нечестны, раздражительны — это регистрируется и даёт вам чувство недостойности, чувство того, что вы ниже человека, чувство неполноценности. А когда вы чувствуете себя недостойными, вы чувствуете себя отрезанными от потока жизни. Как вы можете быть в единении с людьми, если вы что-то скрываете? Единение возможно только тогда, когда вы раскрываетесь, когда вы доступны, когда вы *целиком* доступны.

Если вы обманываете вашу женщину, были у другой, то вы не сможете быть у вашей женщины целиком и полностью. Это невозможно, поскольку это регистрируется: глубоко в вашем подсознании вы знаете, что вы нечестны, глубоко в вашем подсознании вы знаете, что вы предали, глубоко в вашем подсознании вы знаете, что вы должны скрывать это, что вам не следует открывать этого. Если вы должны что-то скрывать, если у вас есть какая-то тайна от вашей возлюбленной, возникнет дистанция, — и чем больше секретов, тем больше дистанция. Если у вас слишком много секретов, тогда вы совершенно закрыты. Вы не можете расслабиться с этой женщиной, и вы не даёте возможности этой женщине расслабиться с вами, потому что ваша напряжённость создаёт напряжённость в ней, а её напряжённость делает вас ещё напряжённее, и это продолжается, создавая порочный круг.

Да, это регистрируется в наших книгах, в нашем существовании. Помните, нет книг, которые пишет Бог: это старый способ для того, чтобы выразить то же самое. Эта книга — наше существование! Чем бы вы не были, что бы вы не делали, это постоянно регистрируется. Не то, чтобы кто-нибудь записывал это; тут естественное явление. Если вы солгали, регистрируется, что вы лгун, и вы теперь должны защищать эту ложь, а чтобы защитить одну ложь, вам потребуется тысяча новых обманов, вам придётся продолжать и продолжать. Постепенно, вы становитесь хроническим лжецом. Правда становится невозможной для вас, потому что сказать даже маленькую правду теперь становится опасно.

Посмотрите, как всё связано: если вы скажете одну ложь, она порождает другие — подобное притягивает подобное, — и теперь правда нежелательна, потому что темнота лжи не любит света истины. Поэтому, даже когда вся ваша ложь не подвержена опасности какого-либо разоблачения, вы не сможете говорить правду. Если вы скажете правду, она породит многие другие — подобное притягивает подобное. Если вы естественно правдивы, то даже однажды вам очень трудно солгать, потому что вся ваша правдивость защищает вас. И это естественное явление. Нет Бога, пишущего книгу. Эта книга — вы. Вы и есть Бог, а ваше существование и есть

эта книга.

Абрахам Маслоу говорит: «Если мы делаем то, чего мы стыдимся, это регистрируется к нашему позору. И если мы делаем что-то хорошее, это регистрируется к нашей чести». Вы можете запомнить это, вы можете наблюдать это.

Закон кармы — это не какая-то философия, не какая-то абстракция. Это просто теория, объясняющая нечто истинное в нас. Итог таков: либо мы уважаем себя, либо презираем и чувствуем себя презренными и недостойными любви.

Каждый момент вы творите себя; либо благодать будет обитать в вас, либо позор — это закон кармы. Никто не может избежать его. Карму не обмануть — это невозможно. Наблюдайте... и как только вы поймёте, всё начнёт меняться. Поняв неизбежность этого, вы станете совершенно другим человеком.

И последний вопрос:

Что такое интенсивность?

Это важное понятие, потому что только через интенсивность вы сможете добиться успеха. Когда все ваши желания, все ваши страсти отпадут и станут единым пламенем — это интенсивность. Когда вы едины внутри, и всё ваше существо поддерживает это единство — это интенсивность.

Это в точности то, что говорит это слово: *intensity, in tensivity* — в напряжённости. Противоположное слово — *ex tensivity*, без напряжённости: когда вы расползаетесь, в вас тысяча и одно желание, много фрагментарных желаний, одно ведёт на север, другое на юг. Вас тянет в разные стороны. Вы не едины, вы — целая толпа. А если вы толпа, вы будете несчастны, если вы толпа, вы никогда не почувствуете удовлетворения. В вас нет центра. Смысл интенсивности в том, чтобы создать в себе центр.

Имеются два слова, важных для понимания. Одно — это «центробежный»: оно означает стрелки, движущиеся от центра, идущие в различных направлениях, экстраверсия. Маленькие кусочки, маленькие частицы вашего существа летают повсюду во всех направлениях, во всех возможных направлениях: это центробежность. Таковы и люди: они центробежны. Другое слово — «центростремительный»: когда все стрелки направлены к центру, когда фрагменты соединяются вместе. В первом случае вы распадаетесь *на части*, вы в своего рода децентрализации. Во втором случае вы соединяетесь, своего рода интеграция. Вы становитесь центрированными, собранными внутри: в этом смысл интенсивности.

Быть может, вам знаком миг опасности... вдруг в тёмной ночи перед вами обнажённый меч, тогда вы знаете, что такое интенсивность. Вдруг все ваши мысли исчезают, толпа становится одним. В этот момент вы становитесь единым индивидуумом.

Слово «индивидуум» означает неделимый. Вы становитесь неделимым, становитесь единым — не только объединённым, но единым. Вы будете абсолютно единым. Представшая смерть создала интенсивность.

Или в любви... Вы влюбляетесь, появляется интенсивность. Всё остальное становится несущественным, периферийным. Только любовь есть всё и целое в вашем сердце.

Когда такая интенсивность возникает в медитации, она приводит вас к Богу; или в молитве, тогда она тоже приводит вас к Богу.

Послушайте один рассказ:

Это случилось на последних Олимпийских играх. В раздевалке американской команды борцов стоял тренер Джон Мак, давая последние наставления перед предстоящей схваткой своему подопечному Майку Флемму, по прозвищу «Бычок».

«Ты знаешь, — сказал Мак, — советский борец Иван Катрувский один из сильнейших в мире. Но на самом деле он не так силен, как ты. Единственное, что делает его непобедимым, это его особый захват. Если ему удаётся поймать соперника на этот захват, тот обречён. Он двадцать семь раз применял этот захват, и всякий раз его противник сдавался в течение десяти секунд. Поэтому послушай меня, Бычок, тебе надо быть чертовски осторожным. Ни в коем случае не давай ему провести этот захват. Если он захватит тебя, ты готов!»

«Бычок» внимательно слушал наставления тренера о том, как избежать мёртвой хватки Ивана.

Первые три минуты схватки ни американец, ни русский не могли получить преимущества. Зрители замерли в ожидании.

Затем зал вдруг взорвался — «Бычок» Флемм попал в захват Ивана и мычал в страшных муках. Мак понял, что матч проигран и покинул арену в глубоком унынии. Вдоль коридора эхо несло мучительные крики «Бычка».

Но вдруг, когда Мак уже входил в раздевалку, он услышал из зала потрясающий вопль, такого он не слышал за всю свою долгую жизнь. Трибуны бесновались. По крикам Мак понял, что «Бычок» выиграл схватку, но что могло вызвать такой немислимый поворот?

Минутой позже Флемм трусцой вбежал в американскую раздевалку. Тренер обнял его и спросил: «Как тебе удалось вырваться?»

«Знаешь, — ответил Флемм, — он скрутил меня так, что я никогда не испытывал ничего подобного. Мне казалось, что мои кости трещат. И уже теряя сознание, я увидел перед собой висящие два яйца. Одним отчаянным выпадом я укусил эти яйца. Ну, Мак, ты не можешь себе представить, на что способен человек, когда он кусает самого себя за яйца!»

3. Целью является само путешествие

23 февраля 1978 г., Пуна, Индия

Первый вопрос:

Иногда вы подчёркиваете значение зрелости, иногда говорите: «Будьте как дитя». Принимая зрелую позицию, я чувствую, как дитя во мне подавляется и мучится без самовыражения. Если я позволю находящемуся во мне ребёнку танцевать и петь, тогда выходят наружу такие детские черты, как привязанность к любимому объекту. Что делать?

Прабху Майя, быть зрелым не означает принимать позицию зрелости. Более того, принятие позиции зрелости становится величайшим барьером на пути к зрелости.

Принятие означает нечто навязанное извне. Принятие означает что-то культивированное, практикуемое. Это не идёт от вас самих. Это — маска, разрисованное лицо. Это не ваше реальное существо; это не ваше реальное существование. Именно так всегда поступают люди. Вот почему они только кажутся зрелыми. Они не таковы. Они крайне незрелы. Глубоко внутри они незрелы. Они остаются детьми. Их зрелость только на поверхности. Поскреби немного любого человека, и ты увидишь там ребёнка. И это может быть не только с так называемыми обыкновенными людьми: поскребите ваших святых, и вы немедленно обнаружите незрелость. Или поскребите великих политиков, ваших общественных лидеров, просто пойдите и посмотрите на любой парламент — нигде не найдёшь такого сборища незрелых, несерьёзных людей.

Человек привык обманывать себя и других. Принимая любую позицию, вы становитесь фальшивым, псевдо. Не советовал бы я вам занимать какую-либо позицию. Будьте! Занять позицию — значит поставить барьер бытию. А единственный способ быть заключается в том, чтобы начать с самого начала. Из-за того, что ваши родители запрещали вам это в детстве, вы застряли. Умственный возраст так называемых нормальных людей составляет не более десяти-тринадцати лет. Даже не четырнадцати! Вам, возможно, уже семьдесят или восемьдесят лет, но в своём умственном развитии вы застряли, застряли, так и не дойдя до полового созревания. В возрасте полового созревания, в тринадцать или четырнадцать лет человек оказывается навсегда запечатанным. Затем он становится всё фальшивее и фальшивее. Одна ложь цепляется за другие, одну ложь надо поддерживать другими неправдами. И тогда этому нет конца. Вы становитесь просто кучей хлама — вот что такое личность. Личность надо отбросить, только тогда возникнет индивидуальность. А это не одно и то же. Личность — нечто показное; это выставка, а не реальность.

Индивидуальность — это ваша реальность, это не для показа. Вас можно копать очень глубоко, но вкус будет оставаться тем же. Известно, что Будда говорил: «Откуда бы вы меня не попробовали, вы всегда найдёте тот же самый вкус, точно так же, как вы пробуете океан в *любой его* точке и всегда обнаруживаете, что он солёный». Индивидуальность составляет одно целое, она органична. Личность шизофренична: центр сам по себе, а окружность где-то в другом месте. Они никогда не встречаются, они не вместе. Они не только никогда не встретятся, они не только

различные, они диаметрально противоположны друг другу, они в постоянной борьбе.

Поэтому первое, что надо понять: никогда не принимайте позицию зрелости. Либо *будьте* зрелыми, либо *будьте* незрелыми. Если вы незрелы, *будьте* незрелыми. Это даёт возможность роста. Если в вас сидит ребёнок, не притворяйтесь, *будьте* ребёнком. Примите это, живите с этим. Не создавайте разделённости в себе, эта разделённость породит сумасшествие. Просто *будьте* самим собой.

Нет ничего плохого в том, чтобы быть ребёнком. Из-за того, что вас учили, что нехорошо быть ребёнком, вы начинаете принимать взрослые позиции. С самого вашего детства вы пытались быть зрелым. А как ребёнок может быть зрелым? Ребёнок — это ребёнок.

Но это не позволяется, поэтому маленькие дети становятся дипломатами, они начинают притворяться. Они начинают вести себя фальшиво. Они становятся лживыми с самого начала. И ложь растёт. Затем, однажды, вы начинаете искать истину. Тогда вы обращаетесь к священным текстам. Но священные тексты не содержат истины. Истина в вас самом. Вот истинное писание. Веды, Коран, Библия — они все изначально есть в вашем сознании! Вы содержите всё, что нужно для вас — это дар Бога. Каждый рождён с истиной в своём существовании, жизнь есть истина. Но вы начали учиться лжи. Здесь, со мной, отбросьте всякую ложь. *Будьте* смелыми. Конечно, вы почувствуете, как безмерный страх поднимается в вас, потому что, когда вы отбросите свою личность, свою личину, ваша детскость, не дозволенная прежде, выйдет на поверхность. И вы испугаетесь: «Как же это я опять в моём возрасте стану ребёнком? Когда все знают, что я известный профессор, инженер, имею степень, как я стану ребёнком?» Возникает страх, страх перед общественным мнением, перед тем, что подумают люди.

Тот же самый страх, что разрушал вас с самого начала. Тот же самый страх, который был ядом: «Что подумает моя мать? Что подумает отец? Что подумают люди, учителя и общество?» И маленький ребёнок начинает хитрить — он не показывает своего сердца, потому что он знает, что оно не будет принято другими. Поэтому он создаёт личину, камуфляж. Он показывает то, что люди *хотят* видеть. Это дипломатия, это политика. Это яд!

Все являются политиками. Вы улыбаетесь, потому что это выгодно, вы плачете, потому что от вас этого ждут. Вы говорите что-то, потому что это облегчает ситуацию. Вы говорите жене: «Я люблю тебя», потому что это успокаивает её. Вы говорите мужу: «Я умру без тебя, ты единственный у меня, ты — моя жизнь», потому что он ждёт этого от вас, а не потому, что вы чувствуете это. Если вы действительно так чувствуете, тогда в этом есть красота, тогда это настоящая роза. Если же вы просто притворяетесь, щадите его мужское эго, укрепляете его в своих целях, тогда это искусственный цветок, пластмассовый цветок.

А вы отягощены огромным количеством искусственного, пластмассового — вот в чём проблема. Мир — не проблема. Так называемые религиозные люди говорят: «Отрекитесь от мира». А я говорю вам, что мир вовсе не является проблемой. Отказ от лжи — вот что является проблемой. Нет нужды отречься от семьи. Но отрекитесь от той псевдосемьи, которую вы создали. *Будьте* правдивыми, подлинными. Иногда это будет очень болезненным — быть правдивым и подлинным. Это не так дёшево стоит. Не быть правдивым и настоящим дёшево и выгодно, даже просто удобно. Это трюк, стратегия для защиты себя, это броня. Но тогда вам не будет хватать истины, которую вы носите в себе, в своей душе. Тогда вы никогда не узнаете, что такое Бог. Потому что Бог может быть найден только в вас самих. Сначала внутри, затем снаружи, потому что самое близкое вам — вы сами. Если вы не находите Бога там, тогда как вы можете видеть Бога в Кришне, в Христе, в Будде? Вы не можете видеть Бога в Кришне, если вы не можете видеть его в самом себе. А как вы можете видеть Бога в себе, если вы постоянно создаёте вокруг себя ложь? Лжи так много, что вы забыли путь к себе. Вы потерялись в джунглях лжи.

Поэтому, первое что надо помнить, это...

Вы говорите: *«Иногда вы подчёркиваете значение зрелости, иногда говорите: „Будьте как дитя“.*

В этом нет противоречия. Снова став ребёнком, вы станете зрелым. Это начало зрелости. Но быть ребёнком вам не позволяли ваши родители и ваше общество.

Санньяса — это просто усилие разделаться со злом, которое причинило вам ваше общество, стереть, уничтожить то, что было создано вокруг вас обществом. Санньяса — это революция. Это бунт, бунт против так называемой псевдожизни. Это рискованно, это опасно, потому что вы начнёте отпадать от псевдолюдей, окружающих вас. Вы станете неприемлемыми. У вас будут неприятности. Ложь очень удобна.

Фридрих Ницше сказал, что человек не может жить без лжи. Почему человек не может жить без лжи? Потому что ложь действует как буфер, как смазка, вы не сталкиваетесь с людьми. Вы улыбаетесь и другой улыбается, это — смазка. Вы можете быть недовольны внутри, но всё-таки вы говорите жене: «Я тебя люблю». А выразить ярость — значит попасть в неприятное положение.

Но помните, что, если вы не можете выразить свою ярость, вы никогда не сможете выразить свою любовь. Человек, который не может быть сердитым, не может быть и любящим, ему приходится подавлять свой гнев с такой силой, что он не способен выразить что-нибудь ещё. Всё соединено внутри нашего существа, ничто не существует отдельно. Нет перегородок между гневом и любовью, они существуют вместе, смешанные друг с другом. Это одна и та же энергия. Если вы подавляете гнев, вам придётся подавлять и любовь. Если вы выражаете любовь, — вы будете удивлены, — гнев возникает вместе с ней. Либо подавляйте всё, либо вам придётся всё выразить. Вам следует понять эту арифметику вашего органического единства. Выбор заключается не в том, что вы можете подавить гнев и выразить любовь. Тогда ваша любовь будет фальшивой, потому что в ней не будет тепла. Это будет просто манерничество, это будет некоторым явлением ума, вы всегда будете бояться погружаться в это чувство.

Люди только притворяются, что любят, потому что от них ожидают любви. Они любят своих детей, они любят своих жён, мужей, своих друзей, потому что от них ожидают этого. Они выполняют это как долг. В них нет никакого празднования. Вы приходите домой и гладите своего ребёнка по голове — просто потому, что от вас этого ждут, потому что так надо, но в этом нет радости, в вашем действии холод — это смерть. И ваш ребёнок никогда не сможет вам простить этого, потому что ласка без тепла безобразна. И ребёнку неловко, и вам тоже.

Вы занимаетесь любовью с вашей подругой, но вы никогда глубоко не погружаетесь в это. А это может захватить вас, это может ввести вас в высшее блаженство. Вы можете раствориться в этом. Если вы никогда не давали волю вашему гневу, если вы никогда не растворялись в нём, то как же вы можете дать любви растворить вас? Случалось много раз, что любящий мужчина убивает свою подругу; он отдавался любви, а затем неожиданно приходит гнев. Известный факт, что возлюбленный убивал свою подругу, душил её. Он не был убийцей. За это ответственно общество. Он просто осмелился на слишком многое и вошёл слишком глубоко в любовь. Когда вы погружаетесь слишком глубоко, вы становитесь диким, потому что ваша цивилизация существует на поверхности. Когда поднимается гнев, тогда всё скрытое в вас поднимается и вы становитесь почти сумасшедшим.

Чтобы избежать этого сумасшествия, вы любите очень поверхностно. Это никогда не

бывает потрясающим явлением. Да, люди правы, когда говорят, что это похоже на чихание. Это освобождает от напряжения. Это освобождает вас от той энергии, которая обременяла вас. Но истинная любовь не такова. Любовь должна быть экстазом — не чиханием, не выходом энергии, но реализацией, освобождением. Пока вы не познали любовь как освобождение, как экстаз, как *самадхи* — вы не знаете любви. Это возможно, если вы не притворяетесь, если вы подлинны во всём. Если вы позволяете себе смеяться, если вы позволяете себе гневаться, если позволяете себе слёзы, если вы позволяете всё. Если вы никогда не были сдерживающей, контролирующей силой, если вы жили без контроля. И помните, под бесконтрольностью я не имею в виду жизнь распущенную. Жизнь без контроля может быть очень дисциплинированной. Но дисциплина не навязана извне, это не усвоенная позиция. Дисциплина приходит из вашего внутреннего переживания. Она рождается из встречи всех возможностей вашего существования. Она приходит из переживания всех аспектов, она появляется путём исследования всех измерений. Она приходит из понимания. Вы были в гневе, вы что-то поняли в нём: такое понимание приносит дисциплину. Это не контроль. Контроль безобразен, в дисциплине есть красота.

Слово «дисциплина» (*discipline*) обозначает способность учиться. Отсюда слово «ученик» (*disciple*). Это не означает контроль. Это означает способность к учению, открытость к нему. Дисциплинированный человек — это тот, кто учится через жизненный опыт, смело входит во всё, рискует, исследует, готов войти в темную ночь неизвестности, не цепляется за известное, всегда готов совершать ошибки, всегда готов упасть в канаву, всегда готов быть осмеянным другими. Только тот, кто не боится, что все будут называть его дураком, способен жить, любить, знать и быть.

Зрелость приходит от всё более глубокого опыта жизни, а не от избегания жизни. Избегая жизни, остаешься ребёнком.

Ещё одно. Когда я говорю «будьте как дети», я не имею в виду, чтобы вы были ребячливыми. Ребёнок должен быть ребячливым. Иначе ему не будет хватать опыта детства. Молоды вы или стары, ребячливость просто показывает, что вы ещё не выросли. Но «быть как дитя» означает совершенно другое. Что это значит?

Иисус говорит вновь и вновь: «Если вы не станете как дети, вы не войдёте в царство Божье». Так же и я говорю вам: «Вы не войдёте в царство Божье, если не уподобитесь ребёнку». Что имеет в виду Иисус, когда говорит «как дети»? Много. Ребёнок всегда целостен. Что бы ребёнок ни делал, он всегда полностью поглощён этим. Он ничего не делает отчасти. Если он собирает ракушки на берегу, то остальное просто исчезает из его сознания. Тогда единственное, что его занимает, это ракушки. Он абсолютно поглощён этим, он весь в этом. Это — свойство целостности, одна из основ ребёнка. Это концентрация, это интенсивность, это целостность.

И второе: ребёнок невинен. Он действует из состояния незнания. Он никогда не действует из состояния знания, потому что знаний у него нет.

Вы же всегда действуете на основании знания. Знание означает прошлое, знание означает старое и сказанное, то, что вы успели собрать. А каждая новая ситуация является *новой*, никакое старое знание для неё не годится. Я не говорю о технике. Здесь прошлое применимо, потому что машина — это машина. Но в человеческой сфере, когда вы общаетесь с живыми людьми, нет повторяющихся ситуаций, каждая ситуация единственна. Если вы хотите действовать верно в этой ситуации, вам следует действовать из состояния незнания, подобно ребёнку. Не привносите в неё своё знание, забудьте, это — ложное знание. Отвечайте на новое новым. Не отвечайте на новое старым. Если вы ответите из старого, то вы ошибётесь, не будет моста между вами и тем, что происходит. Вы всегда будете опаздывать на поезд.

Ананд Майтрея продолжает мечтать о поезде и всегда опаздывает на него. Он спешит,

бежит, добегают до станции, но когда он оказывается на платформе, поезда уже нет. И это мечта не только Майтрейи, это мечта миллионов людей. Почему эта мечта приходит снова и снова к миллионам людей на Земле? Они *упускают* жизнь. Они всегда опаздывают. Всегда существует разрыв. Они пытаются, но моста не возникает. Они не могут вступить в глубокое общение, они не могут глубоко погрузиться ни во что. Что-то мешает. Что же? Препятствует знание.

Я учу вас незнанию, невежеству.

И когда я говорю: «Будьте как дети», я имею в виду: будьте всегда познающими, но никогда не становитесь знающими. Всё время учитесь, познание совершенно отлично от знания. Знание мёртво, познание — живой процесс. Но познающему следует не забывать, что нельзя действовать с позиции знающего.

Наблюдали ли вы, что маленькие дети учатся очень быстро? Если ребёнок живёт в многоязычной среде, он обучается всем языкам. Он обучается языку матери, отца, соседей — он может выучить три, четыре, пять языков очень легко, без усилий. Взрослому, обучившемуся одному языку, очень трудно изучить другой, потому что теперь он действует с позиций знающего.

Нельзя, говорят, обучить старую собаку новым трюкам. Это верно. Но что делает собаку старой? Не физический возраст, потому что Сократ продолжал познавать до самого конца, даже в момент смерти. Что делает собаку старой? Старой делает собаку знание.

Будда остаётся молодым, Кришна остаётся молодым. Нет ни одной статуи Будды, где бы он был изображён старым. То же имеет отношение и к Кришне. Это не означает, что они никогда не старели! Кришна дожил до восьмидесяти лет, был уже старым, но что-то в нём всегда оставалось молодым, детским. Он продолжал действовать из состояния незнания.

Итак, прежде всего, когда я говорю, что вы должны быть подобными ребёнку, я имею в виду, что вы должны быть тотальными, целостными.

И ещё вы должны всегда оставаться познающими, вы должны действовать из состояния незнания. Это и есть невинность — действовать из состояния незнания.

Третье и последнее: ребёнок имеет врождённое чувство доверия, иначе он не смог бы выжить. Когда он появляется на свет, он доверяет матери, доверяет молоку, доверяет всему. Его доверие абсолютно, у него нет никаких сомнений. Он ничего не боится. Его доверие так велико, что его мать боится за него, потому что он может пойти и начать играть со змеей, или сунуть руку в огонь. У него нет страха, он не знает сомнения — это его третье качество.

Если вы сможете познать, что такое доверие, если вы сможете вновь научиться доверию, только тогда вы узнаете, что такое есть Бог, только тогда вы придёте к осознанию того, что есть истина. Это надо понять.

Наука построена на сомнении. Вот почему весь процесс обучения построен на сомнении. Наука *зависит от* сомнения, она не может без сомнения него развиваться. Религия построена на доверии, она не может существовать без доверия. Это два диаметрально противоположных направления.

Если вы привнесёте доверие в научную работу, вы упустите самое главное. Вы не получите *ничего*, вы не сделаете никаких открытий. Сомнение является методологией науки. Вам нужно сомневаться, сомневаться и сомневаться. Вам нужно сомневаться до тех пор, пока вы не натолкнётесь на нечто несомненное, на то, в чём нельзя усомниться. Только тогда в беспомощности вы принимаете это, но всё же с зерном сомнения, что завтра появятся новые факты, и всё снова нужно будет отбросить. Так что это только на некоторое время... Наука никогда не приходит к окончательной истине, только к временной, приблизительной истине. Это принимается за истину только на данный момент. Ведь кто знает, завтра исследователи могут найти новые факты, новые данные. Поэтому наука приходит только к гипотезам —

временным и произвольным. Открытое Ньютоном было опровергнуто Эйнштейном, а открытое им будет опровергнуто кем-то ещё. В науке сомнение является методологией. Доверие не нужно. Вам приходится доверять только тогда, когда нет *никакой* возможности сомневаться, и то на время, из-за временной беспомощности. Что вам остаётся делать — для сомнений не осталось места. Вы рассмотрели со всех сторон, все сомнения отсеялись, возникла некая определённая.

Религия — диаметрально противоположное измерение. Точно так же, как в науке методом является сомнение, в религии методом является доверие.

Что значит доверие? Оно означает, что мы не отделены от существования, мы являемся его частью, это наш дом, мы принадлежим ему, он принадлежит нам, мы не бездомны, что Вселенная — наша мать. Мы можем быть детьми Вселенной, как ребёнок, который знает, что, когда будет нужно, мать придёт и позаботится о нём: когда он голоден — накормит, когда ему холодно — обнимет и согреет, даст тепло и любовь. Ребёнок доверяет. Когда ему что-то нужно, он закричит, чтобы привлечь к себе внимание матери.

Религия говорит, что Вселенная — наша мать, наш отец. Иисус называл Бога «Абба», что гораздо лучше, чем отец. «Отец» — формальное слово, «Абба» — не такое формальное. Если перевести слово «Абба» буквально, то оно по смыслу будет ближе к «папа». Но называть Бога «папой» несколько абсурдно, церковь не позволяет этого. Церковь скажет, что так нельзя. Но Иисус называл Бога «Абба», папа.

Молитва, по-существу, должна быть неформальной. «Отец» выглядит таким далёким. Неудивительно, что называя Бога «отцом», мы отделили его, поместили его где-то далеко, в небесах. «Папа» воспринимается ближе. Его можно коснуться. Он почти осязаем, с ним можно пообщаться. С Богом «отцом», сидящим где-то далеко в небесах, общаться трудно. Вы можете кричать, и всё же не быть уверенным, достигнет ли это его.

Религия — это детский подход к существованию. Мир становится матерью или отцом, вы не против природы, вы не боретесь с природой. Борьбы нет, есть содружество. Борьба кажется глупой и абсурдной.

Сомнение не участвует в религиозном переживании точно так же, как доверие не участвует в научных исследованиях. Наука — это исследование внешнего, а религия — исследование внутреннего. Наука — религия вещей. Религия — наука о существовании. Это так же, как цветок нельзя увидеть ухом. Каким бы чувствительным, каким бы музыкальным оно ни было, ухом ничего не увидишь. Ухо улавливает только звуки; оно имеет свои ограничения. Если хочешь видеть цвет, форму, нужно смотреть глазами. Даже великая музыка Бетховена или Моцарта не может быть воспринята глазами. Глаза глухи, слушают уши.

Сомнение — это дверь к вещам. Доверие — дверь к существованию. Только с помощью доверия познаётся Бог. И помните: не надо одну ошибку совершать дважды. Так называемые религиозные люди боролись с наукой. Это глупая борьба. Церковь хотела, чтобы наука основывалась на доверии. Теперь наука берёт реванш: теперь наука хочет, чтобы религия тоже основывалась на сомнении, на логике, на скептицизме.

Человек так глуп, что продолжает совершать те же самые ошибки. Церковь в средние века была глупой, теперь люди, думающие, что они учёные, вновь совершают ту же глупость. Человек понимания скажет, что сомнение имеет свою область применения. Вы можете использовать сомнение как метод, но он имеет свои ограничения. И доверие также имеет свою область применения, но она тоже имеет свои ограничения. Нет надобности использовать доверие, чтобы узнать о вещах, нет надобности сомневаться во внутреннем. Иначе всё перепутается, получится мешанина. Если бы наука исходила из доверия, то она не родилась бы вообще. Вот почему на Востоке наука не развита.

Я встречался с индийскими учёными. Даже получивший на Западе своё образование, даже

Нобелевский лауреат в глубине души остаётся с предрассудками. Он продолжает каким-то образом ведомо или неведомо для себя, осознанно или неосознанно, переносить доверие на внешний мир. И даже самый религиозный человек на Западе остаётся в глубине души сомневающимся. Запад исследовал возможность сомнения, Восток исследовал возможность доверия. Оба являются различными измерениями, они нигде не встречаются, внутренне и внешне они нигде не встречаются. Вам нужно использовать обе стороны.

Человеком понимания я называю того, кто может пользоваться и тем, и другим: работая в научной лаборатории, он использует сомнение, скептицизм, логику; молясь в храме, медитируя, он использует доверие. И он свободен — он не связан ни сомнением, ни доверием.

В этом заключается мой подход к моим санньясинам. Не будьте связаны: либо уши, либо глаза, не обедняйте себя. У вас есть то и другое, поэтому, когда вы хотите видеть, смотрите глазами, когда хотите слушать — закройте их. Не случайно, слушая музыку, люди закрывают глаза. Если вы умеете слушать музыку, вы обязательно закроете глаза, потому что глаза больше не нужны.

Так обстоит дело с сомнением и доверием. Доверие — это свойство ребёнка. Существует три свойства — свойство целостности, свойство невежества вопреки знанию и свойство доверия. Инфантильность — это род сентиментального эмоционального состояния. Не это вам нужно. Каждому ребёнку нужно позволить иметь свойства ребёнка, так же как взрослому нужно позволить иметь свойства взрослого. Но взрослый тоже может иметь свойства ребёнка. Ребячливость вам не нужна, вспыльчивость и сентиментальность тоже не нужны вам. Но зрелость может очень хорошо сочетаться со свойствами ребёнка. Между ними нет противоречия. Наоборот, вы можете стать зрелым только будучи подобным ребёнку.

Иногда вы подчёркиваете значение зрелости, иногда говорите: «Будьте как дитя». Принимая зрелую позицию, я чувствую, как дитя во мне подавляется и мучится без самовыражения. Если я позволю находящемуся во мне ребёнку танцевать и петь, тогда выходят наружу такие детские черты, как привязанность к любимому объекту. Что делать?

Позвольте этому произойти. Ваша детскость не до конца выразила себя. Позвольте ей выйти наружу и завершиться. И чем скорее, тем лучше, иначе она будет липнуть к вам до самого конца. Дайте этому выразить себя и оно уйдёт. А это — то самое место, где вы можете сделать это легко и никто не станет вмешиваться.

Как раз на днях пожилая санньясинка Шефали — ей, должно быть, семьдесят лет — почувствовала себя ребёнком и очень встревожилась. Когда я сказал ей: «О чём вы тревожитесь? Будьте ребёнком!», она стала играть с маленькими детьми. Даже дети сначала были несколько смущены: «В чём дело?», но потом приняли её. В детях так много приятия, вскоре они забыли её возраст. Как она наслаждалась путешествием в детство! Она так много извлекла из этого, что пришла и сказала мне: «Вся моя жизнь потрачена впустую!» Она действительно вновь стала ребёнком, полным удивления и трепета. Поющим, танцующим и играющим, бегающим за бабочками и собирающим цветы. Это было прекрасное переживание, это было преображение, она вся светилась, великая благодать сошла на неё.

Позвольте лишь этому случиться. Если вы позволите этому случиться, то наступит детство, а потом уйдёт и оставит вас завершённым. Лучше отдаться этому сейчас, не откладывая, — потому что чем больше вы откладываете, тем труднее становится, — и вследствие этого в вас

проявятся свойства ребёнка. Ребячливость со временем исчезает. Она будет временной, а затем уйдёт, дитя внутри вас останется свежим и юным. Когда вы достигнете этого состояния ребёнка, вы начнёте расти. Тогда вы сможете стать зрелым. Вы не сможете созреть со всей ложью, вас окружающей. Вы сможете стать зрелым только тогда, когда станете истинным, когда станете истиной.

Второй вопрос:

Возможно ли быть религиозным и идти к просветлению, живя в такой стране, как Соединённые Штаты, где с головой уходишь в бизнес и конкуренцию?

Это вопрос от Алана Рудика.

А как вы думаете? Можно ли стать религиозным в Индии, в такой стране, как Индия?

По-моему, если вы хотите стать религиозным, Соединённые Штаты — лучшее место, потому что эта страна преуспела в обладании всем тем, что веками жаждал человек. И в самом этом успехе потерпела неудачу. Совершенно очевидно, что можно иметь все деньги мира и оставаться бедным внутри. Вы можете иметь самую совершенную технику и всё же оставаться неудовлетворёнными. Удовлетворения надо искать в другом направлении, в другом измерении. Это очевидно в такой стране, как Америка, а в Индии это не так очевидно. В Индии это не может быть таким очевидным, во всяком случае, в современной Индии. Когда-то и там было очевидно.

Когда жил Будда. Индия была почти в такой же ситуации, как Америка сегодня. Индия была известна миру как золотая птица — и она была такой! В те времена она была богатейшей страной. Религия процветает только в богатой стране, и никогда иначе. Будда был следствием изобилия, потому что только при изобилии ваши надежды исчезают. Вы теряете последнюю надежду. Внешнего пути больше нет. Вы увидели весь путь до конца, и нет ничего впереди. Взгляд поворачивается внутрь автоматически. Не случайно бедные страны думают не о религии, а о коммунизме.

В Индии, если хочешь достичь политического влияния, нужно кричать лозунги о социализме, коммунизме и т.п. Почему? Почему в религиозной стране политики не используют религию? Они знают, что религия никому не нужна, религией народ сыт по горло. Народ не религиозен. Его религиозность традиционна, она на поверхности. Люди голодают, у них нет крыши над головой, нет одежды. У них нет необходимого, что говорить о Боге?

Существует иерархия потребностей. Физические потребности являются основными, если они не удовлетворены, о психологических потребностях вы не помышляете. Голодному человеку не интересен Бетховен, Шекспир или Леонардо. Голодному интересна пища, и это естественно, в этом ничего плохого. Голодный хочет выжить.

Когда стоит вопрос о выживании, кому нужна классическая музыка? Но когда ваш голод удовлетворён, вам тепло и у вас есть дом, вы начинаете интересоваться тем, чем прежде никогда не интересовались: музыкой, поэзией, живописью, философией. Это психологические потребности. Тело удовлетворено, душа говорит: «Теперь я могу удовлетворить свои потребности».

Когда потребности души удовлетворены, услышана вся музыка, исполнены все танцы, вы погрузились в философию, живопись, поэзию, скульптуру, архитектуру, когда вы насытились всем этим, возникает третий род потребности — религиозный. Это духовная потребность,

потребность в Боге. Это -высшая потребность.

Если голодный интересуется Богом, его Бог не может быть истинным Богом. Его Бог будет поставщиком пищи. Он скажет Богу: «Хлеб наш насущный дай нам каждый день». Это — Бог бедняка. Странно, что христианская молитва содержит такие слова: хлеб наш насущный дай нам каждый день. Будда или Кришна не могли бы понять такую молитву: хлеб наш насущный дай нам каждый день. Просьба о хлебе? Это выглядит профанацией. Но Иисус сам был беден, он был из бедняков. Он учил бедняков, он вынужден был создать Бога, который был бы снабженцем.

Не случайно последователи Иисуса продолжают говорить о его чудесах. Какие это чудеса? Во-первых, это физиологические чудеса: слепому даны глаза, больной вылечен; или же чудеса, подобные обращению камней в хлебы. Подумайте, эти чудеса кое о чём говорят. Иисус превращает камни не в проповеди, а в хлебы. Иисус превращает камни в хлеб, а не в музыку. Он воду превращает в вино. У Будды нет таких чудес. У него есть чудеса, но они совершенно другие. Чудеса Будды так не похожи, что вы удивитесь.

Женщина приходит к Будде, её ребёнок мертв, она стоит и плачет, она вдова, и другого ребёнка у неё не будет, единственный ребёнок мертв. Он был всей её любовью, всей её жизнью. И она, плача и стелая, пришла к Будде. Если бы она пошла к Христу, чудо было бы в том, что Христос коснулся и воскресил бы мёртвого, как воскресил Лазаря. Что сделал Будда? Будда улыбнулся и сказал ей: «Пойди в город и попроси несколько горчичных зерен в доме, где никто не умирал». И женщина побежала в город. Она заходила в каждый дом, и куда бы она ни заходила, ей говорили: «Мы можем вам дать сколько угодно горчичных зерен, но условие не будет выполнено, потому что многие умерли в нашем доме. Женщина, не сходи с ума! Будда провёл тебя. Ты не найдёшь такого дома на всей Земле».

Но женщина надеялась. «Может быть — кто знает? — может существует дом, где не было смерти?» И она проходила весь день. К вечеру великое понимание пришло к ней: «Смерть — это часть жизни, это случается, это не что-то личное». С этим пониманием она пошла к Будде.

Он спросил: «Где горчичные зерна?» Она улыбнулась и сказала: «Посвяти меня, я хотела бы знать то, что никогда не умирает. Я не прошу назад моего ребёнка, даже если ты его возвратишь. Всё равно он умрёт опять. Так что какой в этом смысл? Научи меня, чтобы я смогла узнать в себе то, что никогда не умирает».

Это совершенно другая история. Чудеса Иисуса выглядят чудесно, потому что Земля была всё ещё бедной. Вот в чём дело. Восток становится христианским, а Запад — буддистским. Чем больше Запад богатеет, тем более буддистским он становится. Новые христиане рождаются на Востоке — бедные племена, племена примитивные и угнетённые. Для них привлекателен Иисус. Они бы хотели, чтобы кто-то превратил камни в хлебы. Они голодны. Что для них Будда? Будда слишком аристократичен, он говорит о том, что не имеет смысла для бедного и голодного.

Во Второй мировой войне случилось чудо: восточная Япония сражалась с Америкой. Это было первое большое столкновение между Востоком и Западом. И что случилось? Теперь Лос-Анджелес перешёл в Японию, а все центры дзэн-буддизма переместились в Америку. Это чудо. Если вы хотите найти Дзэн, придётся ехать в Америку. Не езжайте в Японию, подумают, что вы глупец: «Дзэн? Да вы сошли с ума!» «Вы не принадлежите этому веку, — подумают они. — Вы не современные».

Если вам нужны дзэновские центры — они процветают в Америке. Но если вам нужна лучшая технология автомобилей, лучший транзистор, лучшие часы — поезжайте в Японию.

И так было всегда, во все века. Это иерархия: Япония интересуется лучшими транзисторами, машинами, телевизорами; Америка полностью пресыщена этим.

Не так давно молодые американцы из одного университета купили новый «Кадиллак» и сожгли его. Это очень символично... Люди сыты автомобилями, техникой, они хотят чего-то

более высокого. Иисусу здесь больше делать нечего, здесь уместен только Будда. Чудеса Иисуса покажутся маловажными: такое может и наука. Чудеса Будды покажутся великими: науке такое не под силу.

И вы ещё спрашиваете, можно ли быть религиозным в Соединённых Штатах? Где же ещё? Америка — страна, где религия имеет будущее. Индия, Китай — страны, где у религии нет будущего. В Индии у религии есть прошлое, но не будущее. Когда на Востоке заходит солнце, на Западе оно поднимается. Не беспокойтесь о том, как можно быть религиозным на Западе, в Америке. Вы не сможете быть религиозным в Индии! Индия только притворяется религиозной. Её религия остаётся низким сортом религии. Я не говорю о прошлом, помните это. Я не говорю об Упанишадах, Гите и Будде. В те дни Индия была Америкой, теперь это ушло.

Нужно понять такой тонкий момент — это связано с тем, как обращается колесо истории: становясь очень богатой, страна становится религиозной, потому что тогда утверждаются высшие нужды человека. А когда начинает процветать религия, страна становится бедной, рано или поздно это происходит. Подумайте только, если в Америке процветают хиппи, если в Америке создаются центры дзэна, если Америка рождает моих санньясинов, то долго ли эта страна останется богатой? Кто будет заботиться о технологии, которая делает Америку богатой? Все станут медитировать, никто не пойдёт в университет. Кто станет думать об обычных мирских делах? Все станут созерцателями своего пупка, закроют глаза, станут спокойными, довольными и счастливыми. Никто больше не будет учёным.

Так движется колесо истории. Сначала страна бедна, она движется к технологии, к лучшей науке, к высшим жизненным стандартам. Затем однажды, когда она приходит к максимуму, развитие неожиданно прекращается, люди вдруг приходят к пониманию, что все их усилия были напрасны: «Мы ни к чему не пришли, мы шли за миражом». Вдруг люди начинают выпадать. Вот что такое санньяса.

Тысячи людей выпали из своего мира во времена Будды и последовали за ним. Они увидели иллюзорность мирских желаний. Тогда страна начала беднеть. Рано или поздно страна становится бедной. Когда люди слишком много медитируют, страна становится бедной. Люди думают о другом мире, этот мир становится бедным. Когда мир становится бедным, люди начинают выступать против религии. Они становятся коммунистами, они становятся кем угодно ещё, но не религиозными. И колесо движется дальше.

Теперь Япония отбросила дзэн, отбросила религию, отбросила медитацию. Это одна из *наиболее* материалистических культур. Она богатеет, скоро она станет богатой. Когда она разбогатеет, начнётся протест против богатства и люди начнут думать о красоте необладания, красоте свободы ото всех привязанностей. Люди подадутся в бродяги: «Зачем жить в доме как в клетке? Почему не взять палатку и не кочевать? День на этом берегу, день на другом. Почему не наслаждаться всей землей?»

Это — круг: бедность, технология, религия, бедность, технология, религия. Вот так всё и движется.

В Индии, если вы там задержитесь, вы станете коммунистом.

Вы спрашиваете, можно ли быть религиозным и идти к просветлению — лучшее место для этого Америка, особенно Калифорния, — живя в такой стране как США, где с головой уходишь в бизнес и конкуренцию.

Быть религиозным — не значит отречься от всего этого. Это просто означает понимание

сути дела. Если вы видите, что конкуренция — это игра, тогда нет проблем. Не придавайте всему этому большого значения. Серьёзность — вот проблема. Конкуренция — не проблема! Тогда это игра. Наслаждайтесь ею и помните, что это игра. Будет ли удача или неудача — это уже не имеет значения. Имеет значение то, что вы наслаждались игрой. И выигравший, и проигравший — оба наслаждались игрой. Необходимы некоторые элементы спорта, вот и всё.

Если вы играете в карты, суть не в том, чтобы выиграть, суть в том, чтобы провести время. Цель в том, чтобы насладиться игрой, нюансами игры, стратегией. Кто-то должен проиграть, кто-то должен выиграть: это не главное, цель не в этом.

Если вы можете жить в мире и играть в него как в игру, если вы можете участвовать во всех видах человеческих взаимоотношений и помнить, что мир — это *большая* пьеса, что сцена велика, так что не видно, где она начинается и где кончается, если вы можете всё время помнить, что это спектакль, тогда нет проблем. Тогда вы просто играете роль, и это не будет вас беспокоить, это не будет создавать напряжения в вас. Вы будете играть в игру, а вечером, придя домой, забудете об этом.

Если вы серьёзны, то в этом ваше несчастье. И если вы серьёзны, то вы можете отказаться от мира, вы можете оставить конкурентные игры, вы можете поехать в Гималаи, — но даже сидя в пещере, вы останетесь серьёзными. Тогда ваша медитация будет иметь привкус серьёзности, и это создаст напряжённость. Какая разница, находитесь ли вы на Уолл-стрит, изо всех сил ведёте «смертельную» конкурентную борьбу, серьёзны в ней, обеспокоены и днём и ночью результатом, или вы в Гималаях, в пещере и изо всех сил *серьёзно* «смертельно» медитируете? Теперь перед вами нет горла, кроме своего собственного, но это всё равно перегрызание горла. Теперь вы всё равно будете соревноваться сами с собой, со своим сердцем, со своим умом. Вы разделите себя, и начнётся борьба. Вы будете тревожиться, когда же придёт просветление? Я бы сказал, что тревоги тут побольше, чем на Уолл-стрит. Известно немало людей, достигших просветления на Уолл-стрит, в гималайских же пещерах... это случается очень редко. У вас будет больше беспокойств.

Мой совет таков — отбросьте серьёзность. Относитесь к жизни как к забаве, как к игре. Наслаждайтесь ею, она стоит того. Это красивая игра, это возможность учиться, видеть, понимать. Не будьте серьёзными.

Жизнь бесцельна, она никуда не идёт, у неё нет цели. В ней целью является само путешествие. Живите играя. И тогда всё, что вы делаете, — это медитация; сделанное играя становится медитацией. Медитация — это качество, возникающее само собой, когда вы наслаждаетесь, когда вы не серьёзны. Да, игра в карты может быть медитативной. Бизнес может стать медитативным. Всё может превратиться в медитацию. Единственное, что нужно для этого, — это добавить несерьёзность, тогда не создаётся напряжённости, тогда вы остаетесь расслабленными. Научитесь оставаться расслабленными, и тогда Уолл-стрит ничем не хуже гималайской пещеры.

И пусть вас не вводят в заблуждение так называемые «индийские духовные святы», которые бродят по Америке и говорят, что Индия — это единственная религиозная страна. Пусть это вас не обманывает. Индия не такова. Сейчас Индия является одной из наиболее материалистичных стран в мире. Но материализм её глубоко подавлен. Фасад её религиозный, а за этим фасадом — материализм, Пусть этот фасад вас не обманывает.

Я не говорю, что там нет истинно религиозных людей. Они есть, но они есть везде. Религия никак не связана ни с Востоком, ни с Западом. Религиозные люди существуют везде. Точно так же, как поэзия. Поэты существуют везде. Живопись, пение, любовь, религиозность и т.д. никак не связаны ни с Востоком, ни с Западом. Они есть везде. Так же и религиозность — религиозные люди существуют везде. Их мало, это верно; очень трудно найти их, это тоже

верно. Но никакая страна не может претендовать на монополию в религии. В Индии, если вы понаблюдаете, если вы заглянете вглубь, вы будете удивлены.

Молодой неискушённый священник шёл по Таймс-сквер. К нему подошла юная леди и спросила: «Не хотите ли развлечься за десять долларов?» Священник ничего не ответил и пошёл дальше. Через несколько кварталов к нему подошла девица и нежно проворковала: «Святой отец, как насчёт того, чтобы развлечься? Десять долларов». Опять священник ничего не ответил. Дойдя до церкви, он спросил встречную монашку: «Скажи, сестра, что понимается под словом „развлечься“?» Она взглянула ему в глаза и ответила: «Десять долларов».

Когда вы смотрите прямо в индийские глаза, вы видите там «десять долларов». Они против денег, но это «против» ориентировано на деньги. Они против секса, но этот протест говорит о подавленной сексуальности. Остерегайтесь лицемерия. Индия одна из самых лицемерных стран в мире.

И последний вопрос:

Вы говорите, что истина одна. Тогда почему так много религий?

Истина одна, но интерпретаций много, их может быть миллионы. Истина одна, но люди разные. Их глаза смотрят на истину под различными углами.

У Христа своя уникальная индивидуальность, у Кришны тоже. Когда Христос смотрит на истину, истина отражается в его глазах и становится христианством. Когда Кришна смотрит на истину, истина отражается в его глазах и становится индуизмом. Индуизм — не прямая истина, христианство — не прямая истина. Они пришли через уникальных людей. И их уникальность отразилась в этом процессе. Когда Будда приходил к истине, истина становилась буддизмом, она принимала окраску Будды. Когда вы придёте к познанию истины, то произойдёт встреча вас и истины. Истина трансформирует вас, и вы трансформируете истину. В результате — перекрёстное скрещивание между вами и истиной. Тогда Библия будет отличаться от Упанишад, а «Дао дэ цзин» будет отличаться от Дхаммапады. Это встреча индивидуума с целым. Индивидуум привносит свою уникальность.

Когда художник приходит в сад и смотрит, он видит тысячи цветов, которые вы не осознаёте. Он видит множество зелёных тонов, а не один зелёный, различные оттенки зелёного. Его тренированный глаз хорошо видит цвет. Ваши глаза не натренированы на цвет: когда вы видите, вы просто видите зелёное дерево. Поэт, видя деревья, поёт о них песню, художник рисует картину. Песня и живопись — различные интерпретации, они будут различаться, хотя возникли в одном и том же саду. Истина одна и религиозность одна. Но в тот момент, когда она спускается на землю, она принимает форму. Эта форма различна. Если мы понимаем это, не будет борьбы между формами, все эти формы будут приняты. Фактически, мир богаче от того, что есть христианство, буддизм, даосизм, индуизм и джайнизм. Представьте себе мир, где есть только христианство. Представьте мир, в котором будет только буддизм. Это будет бедный мир, в нём не будет разнообразия. Истина страдает.

Послушайте, я расскажу вам анекдот:

В парижском баре американец пил с тремя французами. «Скажите мне, — спросил он, — что такое *sang-froid*? О, я знаю, что в переводе это означает

хладнокровно, но я бы хотел знать дополнительные оттенки значения этого термина».

«Хорошо, — ответил первый француз, — я попробую объяснить. Представьте, что вам пришлось уехать из дома по делам, а затем вы неожиданно возвращаетесь и застаёте свою супругу в постели с вашим лучшим другом. Вы не даёте волю эмоциям, вы не впадаете в бесплодное отчаяние. Вы улыбаетесь им и говорите: „Извините за вторжение“. Вот, что я называю *хладнокровием*».

Тут вступил в разговор другой француз: «Ну, я не могу сказать точно, что такое *хладнокровно*. Я полагаю, что *хладнокровие* — это необычайный такт. Предположим, в той же самой ситуации вы дружелюбно машете рукой своему другу и своей супруге, лежащим в постели и с полной невозмутимостью говорите: «Извините за вторжение, сэр, не обращайтесь на меня внимания, продолжайте, пожалуйста». Вот что я назвал бы *хладнокровием*».

«Да, — прервал третий, — возможно. Но что касается меня, то я бы пошёл дальше в моём определении. Если бы в той же ситуации, когда вы говорите: „Извините за вторжение, пожалуйста, продолжайте“, ваш лучший друг в постели смог бы продолжить — вот это я бы назвал *хладнокровием*».

Истина одна, но интерпретаций много. И это хорошо. Мир из-за этого становится красивее и богаче.

4. Вопреки ожиданиям

24 февраля 1978 г., Пуна, Индия

Один мудрец, чудо века, наставлял своих учеников из источника мудрости, который казался неистощим.

Он приписывал все свои знания толстому фолианту, который хранился в самом почётном месте.

Мудрец никому не позволял открывать эту книгу.

Когда он умер, те, кто окружал его, считая себя его наследниками, поспешили открыть книгу, страстно желая обладать тем, что она содержит.

Они были удивлены, смущены и разочарованы, когда они обнаружили, что исписана была только одна страница.

Они пришли в ещё большее недоумение, а затем и в раздражение, когда попытались проникнуть в значение фразы, которая предстала перед их глазами.

Она гласила: «Когда вы осознаете разницу между сосудом и его содержимым, тогда вы будете обладать знанием».

Человек не рождается совершенным. Он рождается неполным. Он рождается как процесс. Он рождается в пути, как странник. В этом его агония, в этом также и его экстаз — агония из-за того, что он не может отдохнуть, он должен идти вперёд, он всегда должен идти вперёд. Он должен искать и исследовать; он должен кем-то становиться, потому что его существование реализуется только через становление кем-то. Становление и есть его существование. Он может существовать только в том случае, если находится в движении.

Эволюция присуща человеческой природе, эволюция является самой его душой. И те, кто принимает самих себя как нечто заданное, остаются нереализованными, неудовлетворёнными; те, кто считает, что они родились завершёнными, остаются неоценёнными. Тогда семя остаётся семенем, оно никогда не станет деревом, оно никогда не познает радости весны, солнца и дождя, не познает экстаза взрыва в виде миллиона цветов.

Этот взрыв есть завершение, этот взрыв есть то, чем является Бог вокруг нас — взрывом в виде миллиона цветов. Когда потенциал становится действием, только тогда человек приходит к завершению. Человек рождается как потенциал, это присуще только человеку, все другие существа рождаются завершёнными, они рождаются такими, какими должны умереть. От рождения до смерти не происходит никакой эволюции. Они двигаются на одном уровне, без существенных изменений. В их жизни не бывает радикальных перемен. Они движутся горизонтально, вертикальное никогда не проникает в них.

Если человек тоже движется горизонтально, он упустит своё человеческое, он не станет душой. Вот что имел в виду Гурджиив, когда говорил, что большинство людей не имеет души. Очень редко встречается человек, у которого есть душа. Сейчас это утверждение кажется странным, ведь вам веками твердили, что человек рождается с душой. Гурджиив говорит, что вы рождаетесь только с потенциалом души, а не с самой душой. В вас имеется чертёж, но этот чертёж ещё нужно реализовать. В вас есть семя, но, чтобы взорваться и расцвести, вам нужно искать почву, погоду, нужный климат, правильный момент.

Двигаясь горизонтально, вы останетесь без души. Когда в вас проникает вертикальное, вы становитесь душой. Душа означает, что вертикальное проникло в горизонтальное. Примером могут служить гусеница, личинка и бабочка.

Человек рождается личинкой. К сожалению, многие и умирают как личинки, мало кто становится гусеницей. Личинка статична, она не знает движения, она остаётся на одном месте, на одной стадии. Очень немногие становятся гусеницами. Гусеница начинает двигаться, начинается динамика. Личинка статична, гусеница начинает двигаться. С движения начинается жизнь. Опять-таки многие остаются гусеницами: они продолжают двигаться горизонтально на одном уровне, в одном измерении. Изредка, такие люди как Будда, или Джалаледдин Руми, или Иисус, или Кабир — делают окончательный квантовый переход и становятся бабочкой. Тогда входит вертикальное.

Личинка статична, гусеница движется, знает движение. Бабочка летает, познала высоту, начинается движение вверх. Бабочка выращивает крылья, эти крылья являются целью. Если вы не вырастите крыльев, не станете крылатым, у вас не будет души.

Истина реализуется в три этапа: ассимиляция, независимость и творчество. Запомните эти слова. Они существенны. Ассимиляция — это функция личинки. Она просто ассимилирует пищу, она готовится стать гусеницей. Это накопление, это резервуар. Когда энергии будет достаточно, она станет гусеницей. Чтобы начать, нужна большая энергия. Гусеница ассимилирует эту энергию, работа личинки завершена.

Тогда начинается вторая стадия — независимость. Личинка оставлена. Теперь не нужно оставаться на одном уровне, пришло время дерзания. Истинная жизнь начинается с движения, с независимости. Личинка остаётся зависимой, узником в цепях. Гусеница разорвала цепи, начала двигаться. Лёд растаял. Личинка — это замершее состояние. Гусеница — это движение, это река.

А затем приходит третья стадия — творчество. Независимость сама по себе немногого стоит. Независимому далеко ещё до завершения. Хорошо выйти из тюрьмы, но для чего? Независимость для чего? Свобода для чего?

Свобода имеет два аспекта: первый — свобода *от* и второй — свобода *для*. Многие люди достигают первой свободы — свободы *от*; свободы от родителей, от церкви, от организации, свободы от того, от этого, свободы от всех видов тюрьмы. Но для чего? Это лишь негативная свобода. Если вы знаете свободу *от*, вы ещё не знаете настоящей свободы. Вы узнали только её негативный аспект. Нужно узнать позитивный аспект, свободу создавать, свободу быть, свободу творить, свободу выражать, свободу петь свою песню, танцевать свой танец. Это третья стадия — творчество.

Тогда гусеница становится бабочкой, крылатой бабочкой. Она собирает нектар, ищет, исследует, творит. Отсюда красота бабочки. Только творческие люди красивы, потому что только творческие люди знают великолепие жизни: их глаза видят, уши слышат, сердце чувствует. Они полностью живы, они живут на максимуме, они сжигают свой факел с обоих концов. Они живут интенсивно, они живут в целостности, в тотальности.

Мы можем также использовать метафоры Фридриха Ницше. Он говорил, что человеческую жизнь можно разделить на три последовательных метаморфозы духа. Первую стадию он называл «верблюд», вторую — «лев», третью — «дитя». Очень наполненные смыслом метафоры... верблюд, лев, дитя.

Каждое человеческое существо должно впитать и усвоить культурное наследие своего общества — свою культуру, свою религию, свой народ. Он должен усвоить всё, что ему предоставляет прошлое. Это то, что Ницше называл стадией верблюда. Верблюд должен накапливать в теле огромные количества пищи и воды для длительных путешествий через

пустыню. Человек находится в той же ситуации — вам нужно пересечь пустыню, вам нужно усвоить всё прошлое. И помните, простое запоминание не поможет. Полное усвоение. И помните также, тот, кто запоминает прошлое, потому и запоминает, что не способен усваивать. Если вы усваиваете прошлое, вы свободны от него. Вы можете использовать его, но оно не может использовать вас. Вы обладаете им, но оно не обладает вами.

Когда вы усвоили пищу, зачем о ней помнить? Она не существует отдельно от вас: она стала вашей кровью, вашей костью, вашим мозгом — она стала вами.

Прошлое нужно переварить. В нём нет дурного. Это ваше прошлое. Вам не нужно начинать с азбуки, — потому что если каждый индивидуум будет начинать с азбуки, то не будет эволюции. Вот почему животные не эволюционировали. Собака осталась той же, что и миллионы лет назад. Человек — единственное эволюционирующее животное, которое может усваивать прошлое. Когда прошлое усвоено — вы свободны от него. Вы можете действовать свободно и пользоваться им. Иначе вам придётся пройти через множество переживаний, ваша жизнь будет пустой тратой времени.

Вы можете стоять на плечах отцов и дедов и их отцов и их дедов. Человек всегда стоит на плечах всех остальных людей, это и определяет высоты, которые он достигает. Собака не может достичь этого, волку не достичь этого; они зависят от самих себя. Их высота есть их высота. Вашу же высоту определяет усвоенный Христос, усвоенный Будда, усвоенный Патанджали, усвоенный Моисей и усвоенный Лао-цзы. Чем больше усвоено, тем выше вы стоите. Вы можете взглянуть с вершины горы, ваш обзор велик.

Усваивайте больше. Нет нужды ограничиваться своим народом. Усваивайте всё прошлое всех людей, всей земли — будьте гражданином планеты Земля. Нет нужды быть ограниченным христианством, индуизмом или исламом — усваивайте всё! Коран — ваш, Библия — ваша, и Талмуд, и Веды, и Дао дэ цзин — всё это ваше. Ассимилируйте всё, и чем больше вы усвоите, тем выше будет пик, на котором вы сможете стоять и смотреть в даль, тогда отдалённые земли и воды станут вашими.

Эту стадию Ницше называет стадией верблюда, но не застревайте здесь. Нужно двигаться. Верблюд — это личинка, верблюд — это накопитель. А если вы застрянете на этой стадии и навсегда останетесь верблюдом, тогда вы никогда не узнаете красоты и благословения жизни. Вы никогда не познаете Бога. Вы застрянете в прошлом. Верблюд может усваивать прошлое, но не может использовать его. В своём развитии верблюд достигает момента, когда он должен стать львом. Лев рвёт на части ужасного монстра по имени «Не смей!». Лев в человеке рычит на всякий авторитет.

Лев — это реакция, бунт против верблюда. Индивидуум обнаруживает свой собственный свет как высший источник всех ценностей. Он начинает осознавать свой первичный долг по отношению к своей внутренней творческой способности, к внутреннему скрытому потенциалу. Некоторые застревают на стадии льва, они всё время рычат и рычат, истощая себя в этом рыке.

Хорошо стать львом, но нужно сделать ещё один прыжок — и этот прыжок заключается в том, чтобы стать ребёнком.

Каждый из вас был ребёнком, но те, кто знает, говорят: первое детство — ложное детство. Это как первые зубы: совсем как зубы, но от них мало прока, они должны выпасть. Только потом рождаются настоящие зубы. Первое детство — ложное детство, реальным детством является второе детство. А второе детство и есть «стадия ребёнка» или «стадия мудреца», что одно и то же. Человек должен стать совершенно невинным, свободным от прошлого, таким свободным, что он даже не против прошлого... Помните, что тот, кто ещё против прошлого, *реально* не свободен. В нём всё ещё какое-то недовольство, жалобы, раны. Верблюд всё ещё

является ему, его преследует тень верблюда. Лев есть в наличии, но он что-то боится верблюда, боится, что тот может возвратиться.

Когда полностью уходит страх перед верблюдом, прекращается и рычание льва. Тогда рождается песня ребёнка. Мне бы хотелось, чтобы вы вникли в эти три стадии серьёзно и глубоко, потому что они имеют большую ценность.

Стадия верблюда, стадия усвоения, подобна ребёнку во чреве матери, ребёнку, который ничего не делает, только усваивает, ест, растёт и растёт, готовясь к выходу в мир. В такой момент у него нет иной работы: девять месяцев в материнском чреве он ест и спит, ест и спит. Даже после рождения ребёнок месяцами делает то же: ест и спит. Постепенно на сон и еду уходит всё меньше и меньше времени. И, наконец, ребёнок готов стать индивидуумом — возникает неподчинение. Ребёнок начинает говорить «нет», постепенно он перестаёт говорить «да». Послушание умирает, рождается непослушание.

Стадия верблюда — это стадия усвоения. Верблюд не знает, как говорить «нет», верблюд не знаком с этим понятием. Он не слышал этого слова, и он не вкусил радости говорить «нет!» Он знает только «да». Его «да» не может быть глубоким, потому что без знания «нет» ваше «да» не бывает глубоким. Оно неизбежно остаётся поверхностным. Как может человек, который не знал «нет», по-настоящему знать «да». Его «да» будет бессильно. Верблюд не знает, что происходит. Он продолжает говорить «да», потому что это единственное слово, которому его научили. Послушание, вера — это характеристики стадии, называемой «верблюд». Адам был в этой стадии прежде, чем отведал плод с дерева познания. Каждый человек проходит эту стадию.

Это стадия до ума и до «я». Ума ещё нет. Ум растёт, но пока не стал ещё полным явлением. Он очень смутен, неопределенен, туманен. «Я» находится в процессе становления. Нет чётких границ в определении «я». Ребёнок ещё не знает себя как отдельное существо. Адам до вкушения плода был частью Бога. Он был во чреве, он был послушен, он говорил «да», но он не был независим. Независимость входит только через ворота «нет». Через дверь «да» входит только зависимость. Так что стадия верблюда — это царство зависимости, беспомощности. Другой важнее, чем ваше собственное существование: Бог важнее, отец важнее, мать важнее, общество важнее, священник, политик — все важны, кроме нас самих. Другой важен — вас ещё нет. Это совершенно бессознательное состояние. Большинство людей застряло в нём. Они остаются верблюдами. Почти девяносто девять процентов людей остаются верблюдами.

Это очень печальное состояние дел: девяносто девять процентов людей остаются личинками. Вот почему так много страданий и так мало радости. Радость нужно всё время искать и искать, но вы её не найдёте, потому что радость не находится снаружи. Пока вы не достигнете состояния ребёнка — третьей стадии — пока вы не станете бабочкой, вы не в состоянии будете познать радость. Радость не даётся извне, это видение, вырастающее внутри вас. Это возможно только на третьей стадии.

Первая стадия — стадия страданий, третья стадия — стадия блаженства, а между ними стадия льва: иногда страдания, а иногда удовольствия, иногда болезненно, а иногда приятно. На стадии верблюда вы — попугай, вы только память, больше ничего. Вся ваша жизнь состоит из верований, данных вам другими. Тут вы найдёте христиан, мусульман, индугов, джайнов, буддистов. Идите в церкви и мечети, и вы найдёте сборища верблюдов: ни одного человеческого существа, все повторяют как попугай.

Как-то я слышал рассказ о средневековом рыцаре, который проходил в местной школе курс обучения, как убивать дракона. Эти занятия, которые вёл чародей Мерлин, посещали также и другие молодые рыцари.

Наш антигерой в первый же день пошёл к Мерлину и сообщил ему, что он вряд ли преуспеет в этом предмете из-за своей трусости. Рыцарь был уверен, что так испугается, что не сможет

убить дракона. Мерлин его успокоил, сказав, что у него есть волшебный меч, который он даст этому юному и трусливому рыцарю. С таким мечом в битве с любым драконом не бывает неудачи. Рыцарь обрадовался магической поддержке, с помощью которой любой мог убить дракона, несмотря на свою ничтожность. С первого же выезда в поле с волшебным мечом в руке рыцарь убивал одного дракона за другим, освобождая одну деву за другой.

Однажды, ближе к концу семестра Мерлин устроил неожиданную проверку всему классу, где занимался рыцарь. Студенты должны были выйти в поле и убить дракона в этот же день. В спешке, в азарте, когда молодые рыцари бросились показать своё умение, наш антигерой выхватил со стойки другой меч. Вскоре он очутился у входа в пещеру, где его ждала связанная девушка. Выскочил огнедышащий дракон. Не зная, что меч не тот, молодой рыцарь выхватил его, чтобы расправиться с драконом. За мгновение до удара он заметил, что у него не тот меч, не волшебный меч, а самый обычный, годный только для хорошего рыцаря.

Но отступить было поздно. Привычным движением руки он рубанул этим обычным мечом и, к его удивлению и радости, отлетела голова и этого дракона.

Возвратившись вместе с девушкой в класс, прихватив также голову дракона, рыцарь бросился к Мерлину сообщить о своей ошибке и непостижимой победе.

Услышав рассказ молодого человека, Мерлин рассмеялся: «Я думал, ты уже догадался, что нет никаких волшебных мечей. Единственная магия заключается в вере».

Верблюд живёт в магии веры. Он трудится, он может делать чудеса. Но верблюд остаётся верблюдом — не хватает роста.

Молящиеся в храмах и церквах находятся под влиянием веры. Они не знают, что такое Бог. Они никогда не воспринимали ничего подобного, они только верят. Их магия веры с ними. Но это только род воображения, вид сна. Они не выходят из бессознательного, из своего сна. И помните: я не говорю, что эта стадия не нужна. Она необходима. Но когда она закончена, из неё нужно сделать прыжок. Нельзя навсегда оставаться верблюдом.

И не сердитесь на ваших родителей, на ваших учителей, священников или общество, потому что они *должны* создать в вас некое послушание — только через послушание сможете усвоить вы что-либо. Отец, мать должны учить, а ребёнок должен только поглощать. Если преждевременно возникнут сомнения, усвоение прервётся.

Представьте себе на минуту ребёнка, который начинает сомневаться уже во чреве матери: он просто умрёт! Сомнения: принимать пищу от матери или нет — кто знает, может, она ядовитая; спать 24 часа или нет, может, это слишком много — спать по 24 часа девять месяцев. Если ребёнок хоть немного усомниться, он тут же умрёт. И всё же приходит день, когда сомнению нужно научиться. Всему своё время.

Послушайте прекрасную поэму Карла Сэндберга.

Что он скажет этому сыну?

Отец видит, что сын взрослеет.

Что он скажет этому сыну?

«Жизнь тяжела, будь сталью, будь скалой».

Это может пригодиться ему в невзгодах

и поможет в скуке и монотонности,

проведёт его между неожиданными

предательствами

и укрепит в момент слабости.

«Жизнь — это мягкая глина;

будь нежным, иди легко».

И это тоже может послужить ему.
Мягкость может быть действеннее кнута.
Бывало, что нежный цветок
в своём росте раскалывал скалу.
Нужна твёрдая воля, а также желание.
Не научившись по-настоящему желать,
ничего не добьешься.
Он также скажет ему,
что избыток денег губил людей
и умерщвлял их ещё до похорон.
В поисках богатства сверх потребного
испорчено много судеб.
Люди превращались в иссохших,
полусгнивших червей.
Он скажет, что время, как и любой материал,
может быть израсходовано.
И ещё скажет: будь дураком
и не стыдись своей глупости,
учись извлекать нечто из каждой глупости,
надеясь не повторять её и так приходя
к глубокому контакту с миром, в котором столько дураков.
Скажет: пребывай в одиночестве не один час
и постигай себя, но превыше всего,
не лги самому себе,
какую бы ложь не приходилось воздвигать
для других или от других.
Скажет ему, что в одиночестве — творчество,
если ты силен;
что окончательное решение принимается в
молчании.
Скажет, чтобы он отличался от других,
если это у него выходит естественно.
Пусть он проводит ленивые дни
в поисках более глубоких мотивов.
Пусть он глубоко ищет в своих истоках.
Тогда он сможет понять Шекспира,
братьев Райт, Пастера, Павлова,
Майкла Фарадея и игру фантазии,
привнося перемены в мир,
который не хочет перемен.
Он будет достаточно одинок,
чтобы иметь время для работы,
которую он считает своей.

Каждый отец сталкивается с проблемой: что сказать своему сыну? Перед каждой матерью стоит проблема: чему учить свою дочь? Каждый учитель беспокоится: что передать новому

поколению? Прошлое имеет много славных страниц, много вершин понимания, много выводов, которые нужно сообщить ребёнку.

На первой стадии каждый должен быть верблюдом, говорящим «да», верящим в то, что ему даётся, усваивающим. Но это только начало пути. Это не конец.

Вторая стадия трудна. Первую вам даёт общество. Вот почему верблюдов миллионы, а львов так мало. Общество покидает вас, когда вы стали совершенным верблюдом. Большее общество дать вам не может, на этом кончается его работа: школы, колледжи, университеты. Она оставляет вас совершенным верблюдом с дипломом.

Львом вы должны стать сами, помните это. Если вы не решитесь стать львом, вы никогда им не станете. Каждый должен отважиться на этот риск сам. Это игра. Это очень опасно. Становясь львом, вы вызываете раздражение всех окружающих верблюдов. Верблюды любят безмятежность. Они всегда готовы на компромисс. Они не хотят, чтобы их беспокоили. От нового всегда беспокойство. Они против революционеров и бунтарей. Не подумайте, что речь идёт о чём-то великом. Речь не о Сократе, не о Христе — творцах величайших революций. Верблюды боятся таких мелочей, что просто удивительно. Я слышал...

В декабре 1842 года Адам Томпсон из Цинциннати первым в США погрузился в ванну. Новость о ванне облетела страну. Газеты утверждали, что новая идея разрушит демократическую простоту республики...

«Господа, подумайте об этом... ванна разрушит целостность демократической республики».
...Доктора предсказывали ревматизм, воспаление легких и так далее. Мудрецы сошлись на том, что ванна зимой вызовет ухудшение здоровья населения. Филадельфия, колыбель свободы, пыталась наложить запрет на принятие ванны с первого ноября по первое марта. Бостон в 1845 году объявил пользование ванной незаконным, кроме случаев, рекомендованных медициной. Хартфорд, Провиденс, Вильмингтон и другие города попытались препятствовать введению ванн с помощью повышенных налогов на воду. Штат Вирджиния нанес удар этому нововведению, учредив налог 30 долларов в год на каждую ванну, привезённую в штат. Но к 1922 году в США производилось уже 889000 ванн в год. Подумать только, в жизни ещё живущих в настоящее время людей была пора, когда они даже не знали, что ванна полезна для них, что доказывает абсолютную ненадёжность суждений человека.

Верблюды просто против нового, не имеет значения, против чего именно. Это может быть даже ванна, а возражения всегда будут обоснованы.

В одной из областей древней Греции существовал такой обычай. Когда человек предлагал новый закон в Народном собрании, он делал это, стоя на платформе с верёвкой на шее. Если закон принимался, верёвку убирали; если закон не проходил, убирали платформу.

Львы не приветствуются, общество создаёт для них всяческие трудности. Верблюды их боятся, так как они тревожат верблюжье благополучие. Львы тревожат их сон, создают беспокойства. Они создают у верблюдов желание стать львами. Это является реальной проблемой.

Почему распяли Иисуса? Одно его присутствие — и сотни верующих мечтают стать львами, это тревожит их сон, вносит беспокойство в их обыденную мирскую жизнь.

Почему Будду закидали камнями? Почему Махавире запретили входить в города? Почему Мансура обезглавили? Эти люди беспокоят, они мешают, львы рычаг. Будда называл свою проповедь «львиным ревом».

Первая стадия — стадия верблюда — даётся обществом. Вторая стадия достигается индивидуально. Достигнув её, вы становитесь индивидуумом, вы становитесь уникальным. Вы больше не конформист, вы уже не принадлежите традиции. Скорлупка отброшена, вы стали гусеницей. Вы начали двигаться.

Стадия льва имеет следующие характеристики: независимость, непослушание, восстание против другого, против авторитета, против догмы, против священного писания, против церкви, против политической силы, против государства. Лев против всего! Он хочет всё разрушить, сотворить мир заново, мир, более близкий желаниям своего сердца. В голове у него грандиозные планы, утопии. Верблюдам он кажется безумцем, ведь верблюды живут в прошлом, а лев начинает жить в будущем. Возникает пропасть. Лев зовёт будущее, а оно может прийти тогда, когда прошлое разрушено. Старое должно умереть, чтобы уступить место новому. Поэтому ведётся настоящая война между львами и верблюдами, но верблюдов — большинство. Львы появляются редко, лев — это исключение, а исключение только подтверждает правило.

Для льва характерно сомнение, неверие. Адам вкушает плод с дерева познания: рождается ум, «я» становится определённым явлением. Верблюд не эгоист, лев очень эгоистичен. Верблюд не ведает об «эго», вот почему вы всегда обнаружите, что все революционеры, бунтари — в музыке, в живописи, в поэзии — очень эгоистичны. Они принадлежат богеме, они живут своей жизнью, делают своё дело. Они не думают о других: пусть все прочие катятся к дьяволу. Они уже не части некоей структуры, они свободны от структур. Их движение, их львиный рев вынужденно эгоистичны: им нужно большое эго, чтобы войти в новое состояние.

На Востоке больше верблюдов, на Западе больше львов. Вот почему на Востоке самоотречение кажется таким лёгким. На Западе, для западного ума самоотречение кажется трудным. Но надо помнить, что восточному уму самоотречение даётся легко, поэтому оно не имеет большой ценности. Он уже отдался. Он не знает, как говорить «нет». Поэтому он и говорит «да». Когда сдаётся западный ум, это очень трудно. Для западного ума капитуляция — трудное дело, западный ум не сдаётся без борьбы. Но когда он сдаётся, отрекается от самого себя происходит трансформация. Потому что самоотречение было трудным. На Востоке самоотречение — дешёвое, на Западе — дорогое. Там только немногие отважные могут это себе позволить.

Восток сдаётся, потому что нет больше возможности стать львом. Это очень удобно, комфортабельно отказаться от себя, стать частью толпы, массы. Запад сотворил эго. Запад уделил больше внимания льву: сомнению, неверию, эго. Но когда западный ум сдаётся, действительно происходит большая трансформация.

Восточный ум сдаётся — остаётся верблюдом. Если сдаётся западный ум, есть вероятность, что родится ребёнок. Когда сдаётся лев, он становится ребёнком, когда сдаётся верблюд, он остаётся верблюдом.

Мои слова могут показаться парадоксальными, но если вы поймёте, что я говорю, парадокс исчезнет. Каждый индивидуум должен приобрести эго прежде, чем сможет отказаться от него. Каждый индивидуум должен прийти к кристаллизованному эго, только тогда отказ от эго имеет смысл.

Первая стадия, стадия верблюда, бессознательна. Вторая стадия, льва, подсознательна — немного выше, чем бессознательна. Некоторые всплывки сознания начинают проявляться. Солнце поднимается, его лучи проникают в комнату, где вы спите. Бессознательное больше не является бессознательным. Что-то зашевелилось в бессознательном, оно стало подсознательным. Но помните: переход от верблюда ко льву не столь велик, как переход ото льва к ребёнку. Это своеобразный вид обратного движения: верблюд становится на голову и превращается во льва. Верблюд говорит «да», лев говорит «нет». Верблюд повинуется, лев нет, верблюд позитивен, лев негативен. Нужно понять — верблюд очень долго говорил «да», настолько долго, что должен был подавлять в себе «нет». «Нет» накапливалось, и наступил момент, когда «нет» хочет взять реванш у «да». Отрицание хочет взять реванш. Тогда колесо переворачивается, верблюд переворачивается вверх ногами и становится львом.

Разница между верблюдом и львом велика, но они существуют на одном уровне. Кокон неподвижен, гусеница начинает двигаться, но движение рождается на той же земле, уровень тот же самый. Первое даётся обществом. То, что вы верблюд — дар общества. Когда вы становитесь львом, это дар, который вы даёте себе сами. Если вы не любите себя, вы не сможете этого сделать. Если вы не хотите стать индивидуумом с монополией на свои права, вы не рискнёте пойти против потока, вы не сможете стать львом.

Но если вы поймёте механизм... Лев рождается в самом сердце верблюда. Оттого, что верблюд повторяет «да» и отрицает «нет», «нет» всё время накапливается. Приходит день, когда появляется пресыщенность постоянным «да», хочется сказать «нет», хотя бы просто для разнообразия. Верблюд сыт позитивным, его ощущения становятся однообразными, и верблюд хочет попробовать сказать «нет» просто для разнообразия.

Вот как верблюд впервые начинает мечтать о льве. И однажды попробовав «нет» — сомнения, неверие, — вы уже никогда больше не сможете стать верблюдом.

Большинство застревает на стадии верблюда, меньшинство — на стадии льва. Большинство означает «массы», меньшинство означает «интеллигенция». Артист, поэт, художник, музыкант, мыслитель, философ, революционер — все они застряли на второй стадии. Они гораздо лучше, чем верблюды, но цель ещё не достигнута. Они не пришли домой. Третья стадия — это «ребёнок».

Послушайте внимательно: первая стадия даётся обществом, вторую стадию индивидуум даёт себе сам, третья возможна только тогда, когда гусеница очень близко подходит к бабочке. Иначе это невозможно. Как может гусеница позволить себе мечтать о крыльях? Это невозможно себе представить. Это абсурдно, алогично. Гусеница знает, как двигаться, но полёт для неё — нелепость. Я слышал, как бабочки учат гусениц, что те могут летать, а гусеницы возражают: «Нет, это может быть возможным только для вас, но невозможно для нас. Вы — бабочки, а мы только гусеницы, мы умеем только ползать». Как может вообразить себе полёт тот, кто умеет только ползать? Это другое измерение, совершенно другое измерение — вертикальное.

От верблюда ко льву — эволюция, ото льва к ребёнку — революция. На этой стадии необходим Учитель. Общество может сделать вас верблюдом, вы можете сделать себя львом, но потом необходим Учитель — Будда, Христос, Руми — вам понадобится бабочка, имеющая крылья. Только с кем-то крылатым вы сможете мечтать о крыльях. Как можно мечтать о чём-то, чего вы не знали? Может ли примитивное племя, живущее где-то в Гималаях, мечтать об автомобиле? Они не видели его, как они могут о нём мечтать? Мечтать можно только о чём-то знакомом, например, когда вы видели Будду, Христа, Бодхидхарму. И когда вы знаете, что это случается. Эти люди похожи на вас, и всё же они не такие, как вы. У них такое же тело, та же самая структура, и всё же нечто неизвестное проникло в них. В них зашло нечто запредельное, и это запредельное очень ощутимо в них. Если вы приближаетесь к такому человеку с симпатией и любовью, вы сможете получить некоторый намек, увидеть малые проблески их внутреннего неба. И увидев раз это внутреннее небо, вы начнёте мечтать о нём. В вас возникнет страстное желание стать крылатым.

Это инфекция, которая переходит от Учителя к ученику. Третья стадия случается благодаря Учителю. «Ребёнок» означает творчество, взаимозависимость.

Первая стадия — стадия верблюда — зависимость. Вторая стадия — независимость. Но в невинности приходит знание, что не существует ни зависимости, ни независимости. Существование — это взаимозависимость; все зависят друг от друга, всё едино.

Рождается чувство нового: нет «я», нет «ты», нет фиксированного «да» или «нет». Нет одержимости говорить всегда «да» или всегда «нет», есть больше текучести, больше спонтанности. Ни послушания, ни непослушания — спонтанность. Рождается отзывчивость.

Человек отвечает существованию — он не реагирует из прошлого, он не реагирует будущего.

Верблюд живёт в прошлом, лев живёт в будущем, ребёнок живёт в настоящем, *здесь и сейчас*. Верблюд — это состояние до ума, лев — это ум, ребёнок — это состояние после ума. Верблюд — это состояние до «я», лев — это «я», ребёнок — это после «я». Вот в чём состоит смысл состояния «не-ума», «не-мыслия». Суфии это называют *фана* — это ушло, другой — тоже, теперь они существуют оба вместе. Нельзя иметь одно без другого. «Я» и «ты» — это часть одной энергии, они оба исчезают.

«Ребёнок» просто... невыразим, неопределим, он — тайна, чудо. Верблюд имеет память, лев имеет знание, способность, «ребёнок» имеет мудрость. Верблюд — христианин, индуист, мусульманин — теист, лев — атеист, «ребёнок» ни теист, ни атеист, ни индуист, ни мусульманин, ни христианин, ни коммунист: «ребёнок» религиозен. Он обладает просто религиозностью, качеством любви и невинности.

Адам вкушает плод, становится львом. До вкушения плода с дерева познания Адам — верблюд. А когда Адам отрыгнул плод — отбросил знания, — он стал ребёнком. Ребёнок означает Христа. Христос вновь и вновь говорит своим ученикам: «Покайтесь!» Слово покайтесь по-еврейски означает «возвратитесь, идите назад, сады Эдема всё ещё ждут вас, срыгните это яблоко знания, и двери рая будут открыты для вас».

Верблюд — это Адам до вкушения плода, «ребёнок» — это Адам, когда он становится Христом, когда он возвращается домой. Будда называет это *нирваной*, Иисус — Царством Божиим. Вы можете назвать это как угодно: Дао, *дхамма*, *мокша*. Слова тут мало что значат. Это бессловесное молчание, это невинность безмыслия. Теперь к рассказу.

Один мудрец, чудо века, наставлял своих учеников из источника мудрости, который казался неистощим.

Здесь каждое слово надо расшифровать.

Один мудрец... Кто этот мудрец? — ребёнок.

Мудрость не означает знания. Знания — это не мудрость, знания — это фальшивая монета, псевдомудрость. Это — заимствованное, собранное, мёртвое. Мудрость — это то, что родилось в вас, что в вас расцвело. Она приходит к вам из вашего собственного существования, из вашего собственного источника. Она живая. Мудрость — это ваше собственное познание истины. Знание — собирание информации от других, у которых, может быть, есть знание, а, может быть, и нет. Кто знает? Это вера, это память, это мусор.

Мудрец — это тот, кто вошёл в Бога, кто проник в тайну жизни, кто встречался с реальностью. Мудрец может быть знающим, а может быть и незнающим. Это не имеет значения. Но мудрость не имеет ничего общего со знанием. Иисус не был человеком знания. Возможно, любой другой раввин того времени знал больше него. Будда не был человеком знания. Может быть, любой другой пандит-брамин знал больше, чем он. Он не был знатоком Вед, но он был мудрецом. Знание приходит через память, мудрость приходит через медитацию. Иметь знание может даже машина. Вот почему компьютеры обладают знаниями, но не могут быть мудрыми. Слышали ли вы о мудром компьютере? Знающий? Конечно! Более знающий, чем человек, более эффективный, более искусный. У него меньше возможностей для совершения ошибок, он действует очень быстро, мгновенно. Вы спрашиваете, и ответ сразу готов. Но ответ будет только тот, который в него заложили раньше. Он не может быть первым, он не будет оригинальным, он не будет мудрым. Он не будет связан с вами как с личностью, это будет просто ответом на ваш

вопрос. Заметьте разницу.

Если *вы* приходите ко мне, ваш вопрос не так уж важен, важны *вы* сами. Я отвечаю на ваш вопрос для того, чтобы ответить *вам* — вопрос второстепенен. Но если *вы* пойдёте к компьютеру, пандиту, учёному, *вы* не важны, важен ваш вопрос. Он отвечает на вопрос. Человек знания отвечает на вопрос, человек мудрости отвечает вопрошающему. Человек знания всегда будет последователен. *Вы* спрашиваете, есть ли Бог? У человека знания всегда определённый ответ. Если он знает, что есть, он всегда скажет «да». Тот, кто спрашивает, не будет иметь для него никакого значения.

Будду однажды спросили: «Есть ли Бог?» Будда сказал: «Нет». В тот же самый день после обеда другой человек спросил, существует ли Бог. И Будда сказал: «Да». К вечеру того же дня третий спросил Будду о существовании Бога, и Будда промолчал в ответ. Подобного не мог сделать современный компьютер. *Вы* или знаете, или не знаете. Компьютер просто знает ответ и выдаёт его. Но почему Будда ведёт себя с разными людьми по-разному? Его ученик Ананда был очень озадачен, он не мог ничего понять. Естественно, он слышал все три ответа. Ночью он спросил Будду: «Я не могу спать, ответь мне, почему? Вопрос был один и тот же, почему же ты отвечал по-разному?»

Будда ответил: «Вопрошающие были различны, я отвечал вопрошающим. Один был атеистом, он не верил в Бога, он пришёл, чтобы подкрепить свои убеждения. Он хотел, чтобы я сказал „нет“, чтобы его вера укрепилась. А я не могу помогать чьей-то вере, моя задача уничтожить веру. Первому человеку я сказал: „Да, Бог есть“. Потому что, если человек не освободится от веры, он не придёт к истине.

Другой человек был верующий, он верил в Бога, он пришёл за поддержкой. А я здесь не для того, чтобы поддерживать чьи-то верования. Я здесь для того, чтобы разрушать всякую веру, с тем, чтобы ум смог подняться над ней и войти в истину. Вот почему я должен был сказать другое. Я должен был сказать «нет».

Третий человек не был ни верующим, ни атеистом, поэтому не нужно было ни «да», ни «нет». Я должен был промолчать. Я говорил ему: «Погрузись в молчание и узнаешь. Просто делай то, что делаю я. Закрой глаза и стань молчаливым — тогда узнаешь». Вопрос таков, что на него нельзя ответить словами «да» или «нет», вопрос так глубок, что *вы* можете познать его только в глубоком молчании. *Вы* познаете только тогда, когда вопрос исчезнет, тогда ответ поднимется в вашем существе».

Это — мудрец. Этого нельзя ожидать ни от учёного, ни от пандита, ни от компьютера, ни от машины.

Один мудрец, чудо века...

А мудрец всегда чудо, потому что мудрец неопределим. Мудрец таинственен. Присутствие мудреца уводит *вас* в такие далёкие путешествия... Мудрец помогает вашему чуду стать сильнее. Он не даёт *вам* знаний. Он уничтожает *ваши* знания и освобождает *ваше* чудо, делает *вас* опять ребёнком, наполняет *ваше* существование чудесным, поэзией, тайной, песней.

Один мудрец, чудо века, наставлял своих учеников из источника мудрости, который казался неисчерпаемым.

Мудрость неисчерпаема. Знания можно исчерпать, мудрость неисчерпаема, потому что быть мудрым — значит быть связанным с бесконечным источником целого. Быть мудрым — это быть в Боге. Бог неисчерпаем. Мудрец — это океан: вы можете взять сколько вам угодно, в нём не убудет. Он останется таким, каким был прежде, нельзя убавить бесконечность. Знание конечно. Оно имеет определённые границы.

Он приписывал все свои знания толстому фолианту, который хранился в самом почётном месте.

Почему он приписывал своё знание толстому фолианту? Из-за верблюдов. Верблюды не поймут мистического источника его мудрости. Чтобы быть понятнее для них, он держал толстый том в своей комнате. И говорил им: «Вся моя мудрость — из этой книги». Это можно понять. Если кто-нибудь говорит: «Вся моя мудрость исходит из Вед», вы понимаете. Если кто-нибудь говорит: «Моя мудрость исходит из Ветхого Завета», вы понимаете. Про Талмуд вы понимаете. Но вот кто-то говорит: «Моя мудрость исходит из ниоткуда», — тут же возникает непонимание. Верблюд не может понять это «ниоткуда». Верблюд может понять только определённый, видимый источник. Он живёт в видимости. Он может понять книгу, он не может понять сердце. Он может понять теории о Боге, но не может понять самого Бога.

Он приписывал все свои знания толстому фолианту, который хранился в самом почётном месте. Мудрец никому не позволял открывать эту книгу.

Естественно, потому что в ней ничего не было — она была пустой. И это держалось в большом секрете. Книга не была доступна никому, она охранялась.

Когда он умер, те, кто окружал его, считая себя его наследниками, поспешили открыть книгу, страстно желая обладать тем, что она содержит.

Посмотрите на верблюдов! Перед ними был живой источник, но он не был им так интересен, как книга. Существуют миллионы верблюдов, подобные этим, которым интересней книга. Они прижимают к себе Библию, прижимают к себе Гиту. Они заучивают Гиту наизусть, повторяют её вновь и вновь, читают её вновь и вновь — они верят в книгу. Сам Кришна может быть перед ними, но они будут продолжать читать свои книги. Они скажут Кришне: «Не отвлекай нас!» Если в тот момент, когда они читают Библию, придёт Христос, они скажут: «Успокойся. Я читаю свою книгу, приходи попозже. Сейчас не время, я молюсь».

Не смейтесь, такова ситуация. Люди чрезмерно верят книге. Книга становится важнее, слово становится важнее истины! Слово «Бог» стало важнее, чем сам Бог.

Поэтому, когда Учитель умер, те, кто окружал его, считая себя его наследниками...

Какие они наследники! Верблюды не могут быть наследниками. Только на третьей стадии, став ребёнком, можно стать наследником Учителя, но не раньше.

Верблюды продолжают говорить «да», поэтому они думают, что могут стать наследниками,

ведь они так послушны!

Но они не могут ими стать, потому что они ещё не научились говорить «нет».

Есть одна очень известная история...

Один раввин услышал, что один из его учеников цинично говорил о Боге и его учении. Раввин призвал ученика и спросил: «Изучил ли ты 24 книги Библии досконально?» Последовал честный ответ: «Нет, не все из них и, конечно, не досконально». «А как насчёт Талмуда? Ты изучил все 60 томов?» «Нет», — был испуганный ответ. «Тогда позволь сказать тебе, сын мой, — заключил раввин, — ты не настолько достаточно знаешь, чтобы иметь привилегию сомневаться».

Сомнение — это привилегия. Если вы не находились в стадии усвоения, вы не сможете стать львом. Сказать «нет», усомниться — это привилегия. Это более высокая ступень, чем вера. Потому что верить может любой трус. А чтобы сказать «нет», усомниться, нужна смелость. Почти всегда бывает так, что люди, называемые «верующими», находятся на более низком духовном плане, чем атеисты. Атеист стоит несколько выше, он отрицает. Он — лев.

Эти люди, должно быть, следовали Учителю буквально. И, очевидно, думали, что были его истинными последователями. Они побежали открывать книгу. Учитель был с ними долгие годы, но они никогда не бежали открывать его, заглянуть в его сердце, за всё это время они так и не поняли его. Они никогда не пили из его источника. И теперь, когда Учитель мертв, главное для них — любопытство. Пойти и посмотреть, что написано в книге. Подумайте только, как люди привязаны к незначительному и несущественному!

[Читать полный вариант книги](#)